

Воздухоплаватель. На заре авиации

Автор:

Юрий Корчевский

Воздухоплаватель. На заре авиации

Юрий Григорьевич Корчевский

Воздухоплаватель #1Героическая фантастика

Андрей Киреев, офицер Российской армии, после автомобильной аварии попадает в прошлое, накануне Первой мировой войны. Он проходит обучение в Гатчинской школе военных пилотов и отправляется служить в летный отряд крепости Осовец. Боевая авиация делает свои первые робкие шаги. Хрупким этажеркам с ненадежными двигателями только предстоит стать одним из самых разрушительных родов войск. Одиночные воздушные перестрелки из pistols из «благородных рыцарей неба» быстро сменяются ожесточенными боями десятков аэропланов с применением бомб и скорострельных пулеметов, резко возрастут мощности моторов и скорость самолетов. Андрей усиленно тренируется, осваивая фигуры высшего пилотажа – те приемы, которые будут придуманы только через несколько лет кровавой бойни. Сумеет ли молодой офицер переломить ход событий, переиграть проигранную войну?

Юрий Григорьевич Корчевский

Воздухоплаватель. На заре авиации

© Корчевский Ю.Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Корректировщик

Проклятый дождь! Струи так и хлестали по лобовому стеклу, дворники не успевали смахивать воду. Андрей торопился. Осознавал – скорость велика, опасно, стоит возникнуть аквапланированию, и с шоссе можно улететь, как при гололеде. Если бы не на службу, сбросил скорость. Однако после позорного ухода недоброй памяти Сердюкова и появления Шойгу порядки в армии стали строже. Сам Андрей такие перемены полностью приветствовал. Армия с колен поднялась, перевооружилась, денежное довольствие возросло. За пять лет, что служить довелось после окончания артиллерийского училища, армия явно изменилась в лучшую сторону. А недавно в звании повысили до старшего лейтенанта, с друзьями-приятелями обмывал, как еще с царских времен повелось среди офицерства. Звездочки в стакан с водкой, надо выпить и звездочки зубами поймать.

Ныне же проверяющие приехали, и черт их дернул в такую погоду устроить учебную тревогу. Ну как же, согласно уставу. Воин должен стойко переносить тяготы службы.

Впереди идущий «жигуль» резко затормозил. Андрей ударил ногой по педали тормоза. Несмотря на всякие прибабасы вроде ABS, машину занесло, она пошла юзом. Андрей попытался скорректировать занос рулем, но не успел. Машина свалилась в кювет, перевернулась. Бац! Скрежет железа, звон стекла. Аварию видели, машины осторожно тормозили, съезжали на обочину, включая аварийки. Кто-то в ГАИ звонил, другие в «Скорую помощь». Подбежавшие к перевернутой машине первыми удивленно заглядывали в салон. Колеса еще крутятся, а в кабине никого. Кто-то сообразил.

– Его из машины выбросило, видимо, не пристегнут был. И машиной придавило. Парни, надо переворачивать машину, может, еще жив.

Уговаривать никого не пришлось. В таких ситуациях счет не на минуты, на секунды идет. Облепили, под дружное «и раз!» – поднатужились, машину на

колеса поставили. Так и под машиной тела нет! Убежать, даже в шоке, водитель не мог, иначе бы увидели, у всех на глазах происшествие случилось. Но и объяснить исчезновение никто не мог. Махнули рукой. Есть ГАИ, есть полиция, пусть разбираются, им за это деньги платят.

Очнулся Андрей в избе. Из небольшого окна солнце бьет, как будто и не было дождя. Стал припоминать, – как он сюда попал и где он. Ехал на машине утром, дождь хлестал, потом занесло – это помнил. А дальше провал в памяти. Наверное, сотрясение мозга. Слышал от кого-то или читал, что бывают провалы в памяти после черепно-мозговых травм. Присел на топчане, согнул руки-ноги, к себе прислушался. Нигде не болит, все сгибается-разгибается. Легко отделался! Хлопнула дверь, вошел боец.

– Доброе утро, ваш бродь!

Это еще что за приветствие?! Видел как-то в кино, сокращают так от «ваше благородие». А какое он благородие, если отец и дед инженерами были, голубых кровей в роду отродясь никого? Промолчать решил. Поднялся с топчана. На стене, на гвоздике, деревянные плечики и мундир старшего лейтенанта, три маленькие звездочки на каждом погоне. Однако китель похож, да не так пошит.

Боец повернулся всем телом к Андрею. Оп! А гимнастерка на нем старорежимная. На фото деда в такой видел. Опять смолчал, надо разобраться, чтобы посмешищем не стать.

Боец спросил:

– Господин поручик! Вам чай, как всегда, покрепче?

– Как всегда, – кивнул Андрей.

Какой-то сумасшедший дом. Чего боец несет про поручика? Такие звания в царской армии в начале двадцатого века были. Боец вышел. Андрей брюки галифе надел, китель. Все впору пришлось, как будто на него пошито. И сапоги его размера. Андрей руку во внутренний карман опустил, нащупал документ, вытащил, развернул. «Поручик Андрей Киреев, должность, каллиграфическим почерком, – командир батареи третьей гренадерской артиллерийской бригады отдельного гренадерского корпуса». Печать, подпись – начальник артиллерии

Гаитенов, генерал-лейтенант. И даже не это поразило, а год – 1910-й! Век с лишком тому назад. В душе зрел протест. Какого черта! Как он сюда попал, каким образом? Если это чьи-то шутки, пусть вернет его в свое время! Сел, остыл немного. Понял: если этот «кто-то» существует, так это только сам Господь. Никому другому это не под силу, и возмущаться бесполезно, надо принять как данность. Хорошо еще, что он в своей стране, а не где-нибудь в Африке или Америке, будь она неладна! А потому жалобу или претензию писать некому, надо служить. Вступая в ряды вооруженных сил, он присягал России. Что изменилось, кроме другого года и века? И еще вместо президента – царь Николай II. Военные знания пригодятся, страна почти все время с кем-то воюет. Пять лет назад с Японией, а через четыре года предстоит схлестнуться с немцами. И победили бы, не было бы постыдного Брестского мира, кабы не большевики с их разлагающими народ речами.

В Российской империи на девяносто процентов население сельское. И в армии соотношение такое же. Из крестьян хорошие солдаты получаются. Сильные, выносливые, способные упорно обороняться, довольствуясь малым. Призыву в армию подлежали все лица мужского пола с 21 года, на 5 лет, кроме инородцев из Закавказья, Северного Кавказа, княжества Финляндского, а также территорий казачьих войск. Не подлежали призыву врачи и священнослужители. Призыв осуществлялся один раз в год, начинался 15 октября, когда уже собран урожай. В год призывалось 300–350 тысяч новобранцев, а всего армия империи насчитывала 1 066 894 нижних чина, 41 709 офицеров и 9931 военного чиновника.

Крестьяне – солдаты надежные, но легковверные, как многие селяне, чем и воспользовались большевики. Наобещали народу землю, а рабочим заводы. Поверил народ болтунам, пошел за большевиками. Обманул Ленин и его команда, купившись на посулы Парвуса. Он-то обогатился крепко на русской революции. Сначала Гражданская война началась. Кто смог из людей образованных, страну покинул, иных литовцы и китайцы да свои на штыки подняли. Много народу полегло. Страну кормить надо, НЭП большевики проводить стали – новую экономическую политику. Снова народ поверил. Предприимчивые люди артели организовывать стали, на селе и в городах. Снова большевики прихлопнули инициативных, сослав в лагеря. По обыкновению, все конфискованное поделили. Крестьян в колхозы согнали, так одна беднота туда согласна была, крепкие хозяйственники раскулачены и в Сибири гниют. Голодомор страну накрыл. Миллионы умерли. А товарищу Сталину мало, репрессии начались. Уже не чужой класс – буржуазию зачищали, а своих, на которых доносы писали свои же товарищи. И опять жертвы. А потом Вторая

мировая война, для России Великая Отечественная. Снова миллионы жертв. Построили социализм, так сохранить многострадальную страну большевики-коммунисты не смогли, развалили, растащили.

Андрей историю и в школе проходил, правда, поверхностно, и в военном училище, уже осознанно. Потому считал большевизм злом для страны. Страна с 1914 года воевать начала, не очень подготовлена к войне была, но вступила. Понемногу войска победы одерживать стали, немцев теснить. Один Брусиловский прорыв чего стоит! А большевики хуже пятой колонны подрывную деятельность вести стали – в тылу, в армии. Тезис выдвигали: жертвы в одной стране – это ничто, ибо поднимется пролетариат в других странах и уничтожит буржуазию, и наступит всеобщее благоденствие. Не поднялся пролетариат в других странах, поскольку не так плохо жил. А руку на сердце положи, не так плохо и на Руси жилось.

Например, белый батон стоил 7 копеек, а буханка ржаного – 3 копейки, сахарный песок 25 коп. за кг, сыр российского производства – 70 коп. за кг, масло сливочное – 1 р. 20 коп., яйца – 25 коп. десяток, икра черная – 1 р. 80 коп. за кг, свинина (шейка) – 30 коп. за кг. Из одежды если взять: рубаха – 3 рубля, костюм – 8 руб., пальто – 15 руб., сапоги – 5 руб., гармонь – 7 р. 50 коп. Офицерская форма, сапоги парадные – 20 руб.; мундир – 70 руб., фуражка – 3 руб., сабля – 15 руб., револьвер – 9 руб.

Зарплата чернорабочего составляла 25–35 руб. в месяц, токарь или слесарь получал 80 руб., врач – 80 руб., учитель в гимназии – 100 руб., депутат Государственной думы – 350 руб. Денежное довольствие офицеров складывалось из жалования, столовых денег и квартирных. Полковник получал 1200 руб. жалования, столовых 600 руб., капитан – жалования 900 руб., столовых 310 руб., квартирных 480 руб. Поручик – 720 руб. жалования, столовых не получал, квартирных 270 руб. В гвардейских частях офицеры получали на ступень выше, чем в армии. Кроме того, гвардейским офицерам один раз в год выплачивалось пособие в половину годового денежного содержания из личной казны императора. Надо сказать, что в гвардии почти все офицеры были дворянского происхождения.

Рубль российский ценился не в пример нынешнему, и стоил один рубль два американских доллара в 1913 году, ценился на мировом рынке, и никто «деревянным» его не называл.

Остальные служили, как тогда говорили, по поговорке: «Красивый служит в кавалерии, умный – в артиллерии, пьяница – во флоте, а дурак – в пехоте». В гвардии особое положение занимали Преображенский и Семеновский полки, а в армии элита – конная артиллерия, ибо была еще крепостная. Офицер-артиллерист точные науки знать должен, считать быстро, если в цель попасть хотел, а топографические карты читать как «Отче наш».

Приняв решение, Андрей решил выждать, ничего не предпринимать. Принимают его за другого – это их проблемы. Даже занятно стало: неужели он лицом, манерами и голосом похож на настоящего поручика? А еще вопрос: а где настоящий поручик?

В избу вошел вестовой, на подносе стакан чая в подстаканнике, парок вьется. На тарелочке ситный порезан и масленка рядом, а еще несколько кусочков колотого сахара. Вестовой поднос на стол поставил, вытянулся.

– Спасибо, братец, свободен.

Про обращение «братец» читал в мемуарах, потому применил. Вестовой не удивился, вышел. Подкрепиться не помешает. Андрей два куска сахара в стакан с чаем бросил, ножом масло на ситный намазал. Белый хлеб пахнет вкусно. Не удержался Андрей, откусил. Хм, такого хлеба и масла он еще не ел. Настоящее, без всякой дряни, вроде пальмового масла, запах и вкус великолепные. Даже обидно за страну стало, кучка мошенников-производителей всех граждан страны псевдопродуктами кормят и при этом властью обласканы, уважаемые бизнесмены. А место бы им в тюрьме, по заслугам.

Поев, опоясался ремнем. В желтой кожаной кобуре револьвер, какой видел только в музее. Вытащил, полюбовался, барабан покрутил, в кобуру вернул. В Российской империи офицеру было положено иметь самовзводный револьвер Наган, так называемый офицерский вариант. Был еще более дешевый, без самовзвода, для нижних чинов, кому винтовка мешает, например, артиллерийской службе или «шофферам» броневиков. Писалось именно так, с двумя «ф». Не возбранялось купить офицерам личное оружие из списка Арткомитета – Кольт, Браунинг, Маузер С-96 или Парабеллум. Оружие отбиралось после испытаний. Только вышел из избы, навстречу подпоручик. Козырнул Андрею.

– На сегодняшних учениях нам предстоит на воздушном шаре подняться. Как настроение?

Подпоручик Андрея явно знал. На погонах у него две маленькие звездочки, по современному лейтенанту соответствует.

На позициях артиллерийской бригады в самом деле был виден воздушный шар. Андрей не знал, куда идти, и один явно бы заблудился, а сейчас держался рядом с подпоручиком. Вот и батарея, пушки в капонирах в ряд, возле них при виде Андрея и подпоручика солдаты забежали, выстроились в шеренгу. Каждый расчет у своей трехдюймовки образца 1902 года, Путиловского завода. Орудие знаменитое, пройдет две мировые войны и кучу войн поменьше – Гражданскую, финскую и прочие. Понемногу усовершенствоваться будет, обзаведется щитом. Но в целом конструкция удачная.

Завидев офицеров, фельдфебель закричал:

– Смирно!

А сам рысью к офицерам. Остановившись, вытянулся во фронт, что называется, ел офицеров глазами.

– Господин поручик! Вверенная вам батарея построена. Личный состав здоров, материальная часть исправна. Докладывает дежурный по батарее фельдфебель Гуцин!

– Вольно! – сказал Андрей.

Фельдфебель тут же продублировал, зычно крикнул:

– Вольно! Разойдись! Приступить к чистке!

У Гуцина на ремне справа револьвер в кобуре, а слева артиллерийский палаш. Холодное оружие больше дань традициям и уставной форме офицера. Уж коли неприятель на батарею ворвется, палаш не спасет. Пушки – оружие дальнего боя.

В тылу батареи воздушный шар виден, по современной градации – монгольфьер, изобретение французское. Хотя еще неизвестно, опередил их россиянин Крякутной. Подъемная сила создается у монгольфьера теплым воздухом. А еще есть аппараты воздухоплавательные, где внутри оболочки закачивается газ легче воздуха – водород, гелий. Они называются дирижаблями. Большие размерами, с приличной грузоподъемностью, оснащаемые моторами и рулями, представлялись как новинка, за которой будущее. Действительность оказалась суровее. Водород очень огнеопасен, пошла череда пожаров и катастроф. Самые большие и известные из дирижаблей, немецкие «Цеппелины», потерпели несколько катастроф с многочисленными жертвами. И в военных целях тоже оказались несостоятельны. Как воздушная цель – велики, неповоротливы. Стоит самолету противника дать очередь из пулемета зажигательными или трассирующими пулями, как левиафан оказывается поврежден.

Под монгольфьером развели костер, подбрасывая солому. Она давала при сгорании много теплого дыма, и оболочка монгольфьера начала быстро расправляться. Андрею шар не показался средством надежным, но перед подчиненными страх показывать нельзя.

– Господин поручик! Доставить бинокль и карту?

– Непременно!

Через несколько минут фельдфебель принес и бинокль в чехле, и командирскую сумку. Андрей перебросил ремешок через плечо, сумку раскрыл. Через целлулоид видна была топографическая карта. Красным карандашом нанесена точка. Похоже, позиция батареи. И спросить у подпоручика или фельдфебеля нельзя, это как расписаться в собственной тупости. Как это возможно? Командир батареи и не знает, где находится? Нонсенс!

Шар, приняв теплый воздух, приподнялся, стремясь в небо. Но корзина его была привязана тросом к лебедке. Из плетеной из ивы корзины свисала веревочная лестница. По ней взобрался воздухоплаватель в кожаной куртке, кожаных брюках, шлеме и очках наподобие мотоциклетных. За воздухоплавателем полез солдат-телефонист. Теперь все поглядывали на Андрея. На веревочной лестнице всего пять перекладин, а лезть неудобно, она раскачивается. Но все же взобрался в корзину. Фельдфебель скомандовал двум солдатам:

– Поднимайте!

Солдаты встали у ручек лебедки, стали вращать. Шар стал подниматься. Андрей на самолетах летал. Но сейчас ощущения другие. Нет гула моторов, ощущения скорости. Чем дальше от земли, тем меньше звуков, зато открываются великолепные виды: река, лес, деревни. А еще крепость. Андрей открыл командирский планшет. Тогда так назывался вовсе не гаджет, а плоская сумка с несколькими отделениями. Под целлулоидом, прикрывающим от возможного дождя, топографическая карта. Причем качества весьма приличного, оценил ее Андрей. Нашел на карте крепость, сравнил очертания крепостных стен. Ба! Да это же крепость Осовец! Вот куда его занесло! Ныне это не российская территория. До революции в состав Российской империи входили Финляндия, прибалтийские страны, именовавшиеся по-другому – Эстляндия, Курляндия, Лифляндия. А еще Польша, на землях которой и был Осовец. Известен был тем, что во время Первой мировой войны остался там часовой, охранявший огромный склад. Выходы были засыпаны. Часовой и не думал рыть землю или как-то выбираться. Он ждал разводящего. Глаза адаптировались к темноте. Он ел консервы, раз в неделю менял белье на чистое из складских запасов. После окончания войны и революции земли эти отошли к Польше. Старые казематы стали где разрушать, а где восстанавливать. Когда поляки разрыли вход в склад, из темноты раздалось:

– Стой! Кто идет? Пароль!

И затвор винтовки клацнул. А после окончания войны прошло уже... лет. Сначала поляки в испуге разбежались. Старое подземелье, темнота, не иначе привидение. Потом осмелели, вывели на свет часового. Да хоть бы повязку на глаза наложили. От яркого солнечного света ослеп сразу часовой. Поляки героя в СССР вернули, в одной из газет была лишь маленькая заметка. Не советский же человек воинский долг исполнил, а царский часовой, о чем писать? Фамилия героя осталась неизвестна. И провел он в каземате 9 лет.

Уже хорошо, что Андрей с местом определился. Монгольфьер набрал метров триста высоты. Видимость отличная, как говорят летчики, миллион на миллион. А уж с биноклем любые позиции как на ладони. Неожиданно зазвонил полевой телефон, изобретение новомодное, крайне для армии нужное. Солдат-телефонист в трубку забубнил, потом Андрея спросил:

– Запрашивают, господин поручик, готовы ли? Можно огонь открывать?

– Один пристрелочный первому орудю – пли!

Телефонист продублировал в точности. Андрей посмотрел вниз. Одна из пушек шестиорудийной батареи выстрелила. Был виден огонь, а звук долетел до корзины воздушного шара слабым. Направление стрельбы Андрей знал, повернул голову. Секунд через пять показалось облачко разрыва. Небольшой недолет, до цели, которую изображали плетенные из ивы щиты, метров пятьдесят. Для фугасной гранаты далековато. Когда Путиловский завод выпустил свою трехдюймовку, снаряды к ней шли только шрапнельные, вмещающие 260 круглых пуль. Поставлялись шрапнельные снаряды с 22-секундной трубкой. И разлеталась шрапнель по фронту на 50–60 метров, а в глубину до полукилометра. При точном накрытии живой цели один удачно выпущенный снаряд мог уничтожить от пехотной роты до батальона. И реальные примеры были.

Андрей ввел поправки, продиктовал телефонисту. Дав время расчету поправить наводку, скомандовал:

– Первому орудю – выстрел!

На этот раз снаряд угодил в цель точно. Затем по проверенному азимуту и углу возвышения ударила вся батарея. Андрей сам наблюдал в бинокль, как щиты разлетелись от попаданий.

Между тем шар остывать стал и снижаться. Воздухоплаватель принял меры. По периметру корзины висели мешочки с балластом. Воздухоплаватель взял один, развязал горловину и песок высыпал за борт. Ветром его развеяло, подхватило. Таким же образом были развеяны еще три мешочка. Полегчав, шар прекратил снижаться. Андрей залюбовался пейзажами. Поля на квадратики разбиты, дома маленькие, как спичечные коробки, а люди и вовсе муравьишки. Многие птицы ниже монгольфьера пролетают, если близко, то слышен шелест крыльев, свист рассекаемого воздуха.

Телефонист передал указание опускаться.

– Сказали – стрельбы выполнены на отлично, все цели поражены, отбой.

Внизу, на земле, солдаты стали крутить ручки лебедки. Шар пополз вниз, почти достиг земли, коснувшись ее веревочной лестницей. Андрей выбрался первым, его встретил подпоручик:

– Андрей Владимирович, командир бригады пре-много доволен стрельбой батареи и просит прибыть к нему в штаб.

– Отлично! Передайте господам офицерам и нижним чинам мою благодарность.

Где находится штаб бригады, Андрей понятия не имел. Но выкрутился.

– Пусть коней седлают, – распорядился он. – Гуцин, сопровождать будете.

– Сейчас распоряжусь.

Конные батареи в шесть пушек насчитывали пять офицеров, считая командира, двести восемнадцать нижних чинов и сто семьдесят пять лошадей. И одна из лошадей была для командира. Одну пушку везла упряжка из шести лошадей, потому как в походном положении трехдюймовка с передком весила две тысячи триста восемьдесят килограмм. И лошади были строевые, крупные. Большинство лошадей везли зарядные ящики со снарядами, овес для самих лошадей.

Лошадей оседлали быстро. Если бы в свое время Андрей не ездил к деду в деревню и не выводил лошадей в ночное, опозорился бы. А сейчас взлетел в седло, как заправский кавалерист.

Штаб бригады размещался в крепости Осовец. Андрей подсадовал на себя, мог бы и сам догадаться. У кирпичного здания коней принял солдат, повел к коновязи. Офицеры стряхнули с фуражек и мундиров пыль, вошли в штаб. В небольшом зале стояли несколько офицеров.

– Отлично стреляла батарея! – воскликнул штабс-капитан. – Узнаю михайлона!

Михайлонами в СПб. и в армии называли юнкеров, а затем и выпускников Михайловского артиллерийского училища и академии. Офицеры стали подходить как к старому знакомому, хлопали по плечу, открывали портсигары с папиросами, предлагая закурить. Ситуация, на взгляд Андрея, дичайшая. Вроде

его здесь все знают давно, а он никого раньше в глаза не видел. Все вместе офицеры спятить не могли, получалось – с ним не ладно. Но ощущал он себя здоровым, в трезвом уме и крепкой памяти.

– Андрей Владимирович, голубчик! А не посетить ли нам прекрасных полячек? – наклонился к уху Андрея штабс-капитан. – Послезавтра убываем, так что в самый раз.

– Куда убываем? – не понял Андрей.

– Да в свой, Московский округ. Вы что, запомнили, что мы здесь только на учениях? Или понравилось? Так можете прошение написать о переводе. На мой взгляд, захолустье совершенное. Конечно, Коломна, где дислоцируется наша бригада, не Москва, но все же лучше Осовца.

В зал вошли полковник и два подполковника. Штабс-капитан, как старший по званию в зале, сказал:

– Господа офицеры!

Все вытянулись в струнку. Офицерам команда «смирно» не подавалась, все же белая кость.

– Прошу садиться, господа!

Расселись по стульям вдоль стен.

– Господа офицеры, слово предоставляется проверяющему из артиллерийского управления, подполковнику Дичману.

Офицеров с немецкими, французскими и прочими корнями в русской армии было полно еще со времен Петра Великого. И на гражданке тоже хватало. Купцы, промышленники, инженеры. Новой родине служили честно, ревностно. Однако народ зачастую смотрел на иностранцев с подозрением. А уж как началась Первая мировая война, пошли массовые погромы домов и предприятий, магазинов, принадлежавших немцам. Андрей подозревал, что погромы возникли не стихийно, за ними стояли организаторы. Но это случится позже.

Подполковник подробно разобрал действия артиллерийской бригады. Очень толково говорил, указал на недостатки и возможные пути их исправления. Проверяющие обычно только о недоработках говорят. Единственный, кто вызвал завистливые вздохи и взгляды, был Андрей. К стрельбе его батареи ни одного замечания.

Многие офицеры с опаской отнеслись к корректировке огня с воздушного шара. Он заметен со стороны неприятеля, наверняка подвергается обстрелу из пушек или самолетов, риск для корректировщика велик. Учитывая, что корректировать огонь батареи должен один из самых грамотных офицеров, потеря может сказаться на эффективности поддержки.

Не нагоняй получается, а вполне предметный разбор учений, полезный для офицеров бригады. После официальной части последовал обед. Тут уж командир бригады оказался на высоте. В ресторане при офицерском собрании крепости была заказана гречневая каша с тушеным бараньим боком, жареные белые грибы со сметаной, пирожные эклер с кофе и ликером. Серьезная выпивка на службе не приветствовалась. Разговоры незаметно перешли на Коломну. Бригада перемещаться должна была не своим ходом, а эшелонами. Каждой батарее – свой эшелон, одни лошади сколько теплушек занимают. А что теплушка? У нее вместимость восемь лошадей всего или сорок человек.

Батареи начали отправляться уже через день, в порядке нумерации. В бытность службы Андрея в современной армии были автомашины, тягачи. А сейчас целый табун лошадей. Благо солдаты к сельскому труду привычны и с лошадьми управляют лихо. Но все равно забот было при погрузке много. Андрей покидал Осовец без сожаления, не думал, что через несколько лет снова доведется оказаться в этих местах.

Состав тащили два паровоза серии О-В, прозванные овечками. Скорость от силы километров сорок, дым из труб, угольная пыль на лицах и пушках на платформах, прикрытых брезентом. Для офицеров и фельдфебелей – пассажирский вагон, для нижних чинов – теплушки. Однако лето, погода теплая, в вагонах сдвижные двери открыты. Солдатам интересно на Польшу, а потом и на Россию посмотреть. Многие до службы из своих деревень или сел не выбирались никогда. Для них все внове, глядят с интересом. Когда паровозы бункеровались углем и водой, солдаты бегали с котелками к зданию вокзала. Там всегда были краны с холодной водой и кипятком для пассажиров. На время поездки солдатам и офицерам выдавался сухой паек. В кипяточке чай заварить

да с сухарями и соленым салом, сытно и вкусно. В деревнях-то мясное не каждый день вкушали, то пост большой или малый, то не нагуляла скотина должного веса, как ее резать? Неделю добирались, зато без происшествий. Андрей переживал в дороге. Нижние чины и отстать могут, и под поезд на соседнем пути попасть. А отвечать ему. Впрочем, в артиллерию набирали новобранцев сметливых, расторопных. Кто осилил несколько классов церковно-приходской школы. А уж окончившие ремесленное училище становились наводчиками, уважаемой военной специальностью. Командирами орудий были фельдфебели, из старослужащих солдат, проявившие желание и способности и окончившие школу младших командиров. На них в армии порядок держался. После службы офицеры по домам, в казармах фельдфебели оставались. Однако никакой дедовщины не было.

Почти полдня эшелон разгружали, пушки с платформ по сходням вручную выкатывали. А веса в трехдюймовке без передка 1350 кг, если покатится, только успевай ногу убрать, не то покалечит.

Пушки в артиллерийский парк определили, лошадей в конюшни. К прибытию эшелона кухня уже горячую еду приготовила. После молебна короткого за стол. В бригаде свои священники были. Большая часть солдат христианской конфессии. Мусульмане большей частью в кавалерии, сызмальства к коням приучены, даже дивизии есть, вроде Дикой, где все служащие из разных областей Северного Кавказа. И службу свою исправно несли, без нареканий, службой государю гордились и память о себе оставили славную.

Андрей поужинал с солдатами за общим столом. Назначил на ночь дежурного фельдфебеля. Надо домой идти, а где этот дом и есть ли он? Поистине дурацкая ситуация. Выручила инструкция, напечатанная на машинке для дежурного по батарее, где были указаны адреса офицеров. Напротив своей фамилии прочитал – Московская, 27, левый вход. Это для посыльного, в случае экстренного вызова в батарею при учебной или боевой тревоге или в случае ЧП.

На выходе из военного городка часовой козырнул. Пройдя несколько шагов по улице, Андрей спросил у прохожего:

– Не подскажете, где улица Московская?

– Прямо квартал и направо.

– Благодарю вас.

Андрей вышел на нужную улицу, по номеру дом нашел. Перед домом палисадник с кустами роз и жасмина. В палисаднике на лавочке семейство – муж, жена и двое детей лет десяти. Женщина, как увидела Андрея, расплылась в улыбке.

– Андрей Владимирович! Наконец-то вы прибыли! Сейчас ключи от вашей квартиры отдам. Пока вас не было, я убиралась и поливала цветы.

– Машенька, ты заговоришь господина поручика. Человек с дороги, отдохнуть надо.

Женщина заторопилась, вынесла из дома связку ключей.

– Спасибо! – церемонно склонил голову Андрей.

Так, в инструкции для дежурного обозначено – вход левый. Туда и направился, подобрал ключи, отпер дверь. Запаха нежилого помещения не было, квартиру явно убрали и проветривали. Наконец-то он остался один и есть время обдумать сложившуюся ситуацию. Андрей расстегнул портупею, повесил на спинку стула. Снял китель и сапоги и растянулся на кровати. Хорошо-то как! Мягкая перина, пуховая подушка, комфортно!

Похоже, с аварией его жизнь изменилась. Или он попал в другое измерение, или провалился во времени. Пусть так, но почему его принимают за другого человека? Имя и фамилия такие же, а главное – внешность. Неужели он так похож? Слишком много совпадений. Или все это происходит не на самом деле, а галлюцинации мозга после травмы в аварии? Тогда по мере выздоровления они должны пройти. Думал долго, сопоставлял, даже пытался прикинуть возможность возвращения. Если он попал в 1910 год и был похожий на него офицер, то по логике этот офицер должен занять его место там, в 2018 году. Ой, что будет! Андрей хотя бы знает развитие истории, умеет управлять автомобилем, а если его двойник Андрей попытается что-то сделать в двадцать первом веке? Натворит такого, что возвращаться невозможно будет. До полуночи ворочался, потом уснул. Проснулся, как привык, в шесть часов, по внутреннему будильнику. Умылся из умывальника в сенях. Подумал еще: надо спросить у хозяина дома, где располагается баня? Подосадовал на себя. На размышления его вчера потянуло! А надо было пересмотреть гардероб, чистое

исподнее надеть, пересмотреть личные документы, домашние фотографии. Вдруг он женат? Вот как нагрянет жена, да с детьми, да с тещенькой, будет сюрприз.

Быстро побрился станком. Не «Жилетт», но бриться можно. По утрам он привык завтракать, а здесь, в чужой квартире, ставшей временно его пристанищем, не знает ничего. Есть ли чайник, заварка, пачка печенья. В дверь постучали. После ответа вошел хозяин.

- Марья Ивановна спрашивает, ждать ли к чаю?

- Непременно, сейчас буду.

Похоже, тот Андрей не только жил здесь, но еще и столовался. Андрей распахнул дверь шкафа, проверил тумбочку. Женских вещей не было, от сердца отлегло. Впрочем, на левой руке обручального кольца не было. Замкнув дверь, сбежал по ступенькам. У стола хлопотала хозяйка, дымил самовар. На столе стояла ваза с баранками, пастилой. стакан уже был полон крепко заваренного чая.

- Все, как вы любите, Андрей Владимирович, - всплеснула руками женщина.

- Спасибо! После казармы и солдатских харчей как домой вернулся.

- Еще бы! Два года квартируете уже.

Ба! Он два года здесь! Вернее, не он, а его двойник. Чай был хорош, особенно с баранками и тульской пастилой. Выпив, поблагодарил хозяйку и бодрым шагом в расположение батареи. Уже у проходной был, когда в расположении военного городка звонко заиграла «Подъем» труба. Тишину сразу нарушили крики дневальных, топот босых ног. Нижние чины спешили оправиться, умыться и одеться. Затем следовали всеобщая заутреня в войсковой церкви и завтрак. Для Андрея поход в церкви непривычен. Приглядывался, как делали другие, повторял. Потом солдаты завтракали.

К Андрею подошел штабс-капитан.

– Добрый день, господин штабс-капитан, – поприветствовал Андрей старшего по званию.

– Ну же, Андрей! Опять в солдафона играете? Мы не на плацу. Сказать вам новость?

– С удовольствием послушаю.

– Только что привезли жалование. Бьюсь об заклад, вскоре будут выдавать. Как насчет того, чтобы вечером переброситься в картишки?

– Я не против, а где?

– В офицерском собрании, в девятнадцать часов.

– Буду.

– Вы всегда были точны, Андрей.

Так, значит, прежний Андрей играл в карты. Знать бы еще, во что играли? Покер, вист? Кроме подкидного, Андрей играть не умел, не его игра – карты. Впрочем, и другие игры не жаловал – бильярд или шахматы.

Подумавши, придумал «умный», как ему показалось, ход. Прийти в офицерское собрание немного раньше и хорошо надраться. Ибо разведал уже у подпоручика, что в офицерском собрании хороший буфет с коньячком от Шустова и водкой Смирнова и вполне приличной закуской – жульенами грибными, цыплятами табака и бутербродами с икрой.

В офицерское собрание приходили все офицеры гарнизона, а в Коломне было дислоцировано несколько полков. По выходным там проходили балы. Полковой оркестр одного из полков играл вальс или мазурку, офицеры приглашали дам. В общем, расписал подпоручик красочно.

Ближе к полудню Андрея посыльным вызвали в штаб. Оказалось, за жалованием. Нижним чинам деньги по списку выдавали фельдфебели, а офицерам, которых в бригаде было не так много, сам начфин. Андрей расписался, взял в руки

бумажные деньги. В первый раз держал в руках царские деньги, с двуглавым орлом, разного достоинства. Купюры были крупные, новые, приятно хрустели и пахли. И что грело душу – за один рубль два доллара давали. Выходит, рубль серьезные деньги! Но в купюрах большого размера и неудобство было. Сложил вдвое, сунул во внутренний карман кителя – оттопыривается, прямо бугор. Еще бы, девятьсот шестьдесят рублей, жалование за месяц и квартирные деньги. В голове мысль мелькнула: надо бы отдать за постой хозяйке, только сколько? Пришлось деньги на четыре равные части разделить и рассовать по разным карманам. Усмехнулся. Если бы все деньги в портмоне, то какого бы размера оно было?

А после обеда случилось событие, для провинциальной Коломны невиданное. Над военным городком, что на окраине города был, пролетел самолет. Низко, обращая на себя внимание жителей стрекотом мотора. Описал круг, причем блинчиком, без наклона, как это делали современные самолеты. Отчетливо был виден пилот, в кожаной куртке и шлеме, в больших очках. Почему-то пилот стрекозу напомнил. Самолет описал полукруг, снизился и сел на поле, где обычно кавалеристы отработывали упражнения. К самолету побежали мальчишки, быстрым шагом направились взрослые, промчался допотопного вида мотоцикл, обдав клубами сизого дыма. Андрею тоже стало интересно. Современные ему самолеты видел, летал, но сейчас приземлилось нечто необычное – фанера, рейки, проволочные расчалки. Авиация в России, впрочем, как и в мире, только делала первые шаги, и хотелось взглянуть на экземпляр редкий, можно сказать, музейный.

На поле вокруг самолета уже толпа собралась. Андрей пробился поближе. Бог мой! И вот это летает? Фанерный ящик вместо корпуса с деревянным сиденьем, скорее, скамейкой. «Фюзеляж» опирается тонкими опорами на четыре колеса со спицами, больше напоминающих велосипедные. Над корпусом на стойках – крыло, к «фюзеляжу» еще многочисленные расчалки ведут. К задней стенке корпуса приторочен двигатель с толкающим винтом. Андрею вспомнился фотоснимок из музея, вроде подобный аппарат назывался «Блерио» французского производства.

Вокруг аэроплана прохаживался летчик, весь в коже – шлем, куртка, галифе, сапоги, краги на руках, весьма гордый собой, почти небожитель. Раздались звуки клаксона, на поле въехал открытый легковой «Руссо-Балт», машина крепкая, отечественного производства. Машина остановилась у толпы, из пассажирской двери лихо выскочил подпоручик из штаба корпуса, с заднего

сиденья – двое солдат с винтовками.

– А ну, разойдись! – закричал подпоручик.

Толпа отхлынула от аэроплана. Слова «самолет» еще не было.

– Взять под охрану! – скомандовал солдатам офицер.

Сам подошел к пилоту, они коротко переговорили, сели в машину и уехали. Для жителей сегодня целое представление – аэроплан, автомобиль. Транспортные средства редкие, вызывающие неподдельный интерес.

В Коломне располагался штаб корпуса. Корпус в то время был основной организационной единицей русской армии, состоял из трех пехотных и одной кавалерийской дивизии. Позже, в боях, структура проявила себя громоздкой, плохо управляемой. Пригодной для позиционной войны, но никак не маневренной.

Андрей аэроплан обошел, разглядывая со всех сторон. Впечатление не произвел – ненадежно выглядел, а учитывая отсутствие парашюта, и вовсе рискованно для пилота.

После службы Андрей вернулся на квартиру, рассчитался с хозяйкой. Большую часть денег положил в шкатулку на тумбочке, мелкие – в карман. Где располагалось офицерское собрание, он уже узнал от офицеров. Почистив сапоги до зеркального блеска, отправился в город. Портупею и оружие оставил на квартире. На первом этаже двухэтажного здания находился буфет, где играл патефон, располагалась гардеробная, курительная комната, библиотека и небольшой зал для игры в карты. Почти весь второй этаж занимал зал для танцев, балов. Десятка два офицеров уже располагались в комнатах. Один из офицеров при виде Андрея помахал рукой.

– Андрей, присоединяйтесь к нашей компании.

Компания подобралась разношерстная: два артиллериста, два пехотинца и три кавалериста. Все в званиях от подпоручика до капитана. Как понял позже Андрей, старшие офицеры подходили часам к девяти. Андрей подошел,

поздоровался, сел в свободное кресло. Офицер продолжил разговор.

– Аэропланы, как и дирижабли, новинки интересные, но для военного дела бесполезные, – заявил штабс-капитан.

– То ли дело конница! – продолжил кавалерист. – Артиллерия сровняла с землей пулеметные точки противника, кавалерия пошла в прорыв и по тылам! Шашки наголо и только успевай рубить!

– Я не согласен, господа, – вступил в разговор артиллерийский поручик. – Вспомните 1901 год, тогда на вооружение поступили пулеметы Максима. Сначала как крепостное оружие, уж больно лафет был громоздок и тяжел, прямо пушка. Недоброжелатели говорили: пулеметы весь запас патронов в армии сожрут. А сейчас? В каждом полку по восемь пулеметов, оружие мощное, даже удивляться приходится: как без него раньше обходились? Любая новинка дорогу себе с трудом пробивает. Как пример – автомобили. Дайте их в армию тысячи, и армия станет действительно маневренной.

– А вы слышали, господа? Воздухоплаватель, что на аэроплане сегодня прилетел, сказал, что набирают из разных родов войск офицеров для обучения полетам, надо только прошение подать в штаб своего подразделения.

– Не может быть! В генштабе нет авиационного отдела, в России нет своих заводов по производству аэропланов, в конце концов, нет училища, подобного Михайловскому артиллерийскому или Константиновскому пехотному.

По мере разговора к офицерам подходили все новые слушатели, вступали в спор. Большинство к аэропланам относилось скептически. Приземлившийся самолет видели уже все, впечатление скорее негативное. Вооружения нет, и разместить его негде, а без оружия этот аппарат годится только для разведки. А сколько аэропланов для разведки необходимо? Один-два на фронт, всего на действующую армию десятков, пусть два. Пока никто помыслить не мог об истребителях, о бомбардировщиках. «Илья Муромец», гигант Сикорского, еще не появился, но уже был в планах даровитого конструктора.

В общем, карточной игры не получилось. В курительной комнате обсуждали новость, в буфете за рюмкой коньяка, в библиотеке. Новинки всегда были интересны военным, ибо было ощущение близкой войны. Германия, Франция,

Великобритания проводили свою политику, подыскивали себе союзников. У Германии традиционный союзник был Турция. Но и Россия имела на Балканах свой интерес. Турция блокировала выход России из Черного моря в Средиземное, и получалось, флот наш черноморский заперт. На Балтике ситуация немногим лучше, Германия держит море под контролем. На Тихоокеанском побережье Россия пять лет назад потерпела позорное поражение от Японии и не оправилась до сих пор, флот там в упадке после потерь. Мало того, японцы подняли затонувший крейсер «Варяг» в бухте Чемульпо и восстановили его. Моряков это уязвило в самое сердце.

Находиться в офицерском собрании Андрею понравилось. Свободный обмен мнениями среди офицеров, невзирая на звания и должности. Каждый высказывал свою точку зрения, спорили, в спорах рождалось рациональное зерно. К тому же офицеры разных полков и родов войск знакомились между собой.

Забегая вперед, это сыграло свою роль в организации белого движения после Октябрьской революции. В каждом городе, особенно губернском, были такие собрания, все же офицеры – военные профессиональные, в отличие от солдат. На офицерах армия держится. А, как известно, у России два союзника – армия и флот.

Андрей пришел на квартиру поздно и опять не стал просматривать документы и вещи настоящего поручика. В душе он считал себя если не самозванцем, то человеком случайным. Да, военный, даже род войск совпадает, но его нахождение здесь абсолютно временное, надеялся, что выберется. Как? Пока не знал, но человек всегда живет надеждами.

Только следующим днем, после службы, пересмотрел в шкафу униформу – шинель, короткий полушубок, унты. Все по размеру, как будто на него пошито. А потом разобрал небольшой чемоданчик с бумагами. Пачка писем, перетянутых резинкой. Оказалось, у того Андрея была девушка, судя по письмам, познакомились они в Санкт-Петербурге, поскольку вспоминает девушка прогулки у памятника Петру, Летний сад. Все места знаковые для Питера.

В одном из писем обнаружил фотографию девушки. Качество черно-белой карточки не очень хорошее, но видно было – красавица. Все правильно, девушка воспитанница Смольного института, Андрей – курсант Михайловского училища, прекрасная пара. Настоящему Андрею даже позавидовал, уж больно девушка

хороша. Обнаружил документы об окончании училища. Оказывается, Андрей закончил курс четвертым, место довольно высокое. По окончании учебного заведения вычислялся средний балл и место в списке выпускников. Чем ближе к первому месту, тем лучше учился студент или юнкер. Но теперь-то вместо него другой человек, и Андрей хотел изучить документы, чтобы не попасть впросак. Удивил его факт, что родился тот Андрей в Вятке. Он-то не был там никогда и, если зайдет беседа, может попасть впросак.

Несколько раз Андрей ловил себя на мысли, что обдумывает услышанное в офицерском собрании об обучении желающих офицеров на летчиков. Была у него как-то в детстве мечта, рассыпавшаяся в прах на медкомиссии. Вроде с вестибулярным аппаратом что-то, хотя Андрей спортом в школе занимался и ущербности какой-то в здоровье не чувствовал. А сейчас специальных летных комиссий нет, и есть шанс научиться летать и служить пилотом.

Самолеты не внушают доверия, а учитывая, что парашютов нет, то стоит все тщательно взвесить. Неделю раздумывал, сомневался. А получил толчок от письма, ускорившего решение. Письмо вручила хозяйка.

– От зазнобы, Андрей Владимирович!

– Невеста!

– Знаю, знаю. Вы мне фото показывали, просто прелесть.

Конверт Андрей вскрыл с тревогой. Сначала приветствие, потом укоры. Дескать, писем от него месяц нет, да и сам в отпуск обещал приехать и замолчал. Андрей попытался припомнить, сколько времени он уже в тысяча девятьсот десятом году. Получалось почти три недели. Надобно письмо написать, успокоить, дабы панику не поднимала. Только совпадет ли почерк? Или молчать? По отношению к девушке нехорошо, будет думать – бросил, изведется. Но личная встреча очень нежелательна. Девушка наверняка знает привычки Андрея, какие-то приметы, например, родинки или шрамы.

После раздумий письмо написал, сообщил, что на учениях слегка поранил руку и почерк не совсем привычный. По отпуску – вроде начальство пока не отпускает. А всю вторую половину – чисто любовная лирика: люблю, не могу забыть наших встреч, запах ее волос. Уж очень молодые дамы слова такие любят. Но слова –

всего лишь сотрясение воздуха. Дела – вот показатель отношений. Девушку словами можно очаровать, женщины любят ушами.

Все же после размышлений прошение по команде подал. Возьмут – хорошо, а нет, стало быть, летать не дано, ни в этом времени, ни в своем. Набрался терпения, поскольку уже наслышан был о медлительности военного чиновничества.

Между тем служба шла своим чередом. На стрельбах своей батарее Андрей был удивлен эффективностью шрапнельных снарядов. В современной армии таких нет. А на практической стрельбе все мишени, представлявшие собой соломенные чучела, были поражены, в некоторых сразу по несколько пробоин. Объяснение отказу от шрапнели нашел в учебниках. Такие снаряды были эффективны по незащищенным целям. Стоило пехоте укрыться в блиндажах или в ходах сообщений, перекрытых накатом бревен в один слой, и шрапнель бессильна, в отличие от фугасных гранат.

В офицерском собрании зашел разговор о прошениях. Оказалось, из гарнизона нашлось только два добровольца на учебу. Понятно, что гарнизон в Коломне небольшой, но уж очень мало. В авиацию, похоже, не верили. Но Андрей знал развитие авиации, реальную мощь военной, без которой войска не предпринимают ни одного маневра, пассажирской и транспортной. Была опаска, что претендентов окажется много, конкурс большой и его не возьмут. Однако уже через месяц пришел приказ об откомандировании поручика Киреева и ротмистра Ивашутина в Гатчину, в авиационную школу. В бригаде все поражены были. Блестящий офицер с отличной перспективой едет неизвестно зачем и куда.

Любому человеку важно знать, а мужчине так даже принципиально, есть ли возможность карьерного роста. Вместо командира роты стать командиром батальона, полка, дивизии. Еще Александр Васильевич Суворов говаривал: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Или Наполеон Бонапарт высказался: «У каждого солдата должен быть в ранце маршальский жезл». Авиация – еще даже не род войск, только зарождалось направление, и перспективы туманны. Командир бригады Андрея отговаривал, но переубедить не смог. Андрей получил копию приказа об отчислении из части, проездные документы и уже вечером сел в поезд. Ехать недолго, уже через два с небольшим часа оказался в Москве. Интересно было. Дома все каменные или кирпичные, но малоэтажные – два-три этажа. По улицам едут трамваи, редкие

автомобили, зато полно пролетов, гужевых подвод. Перебрался на Николаевский вокзал и сел в первый же поезд. За окном темно, ничего не разглядишь, улегся спать.

Глава 2

Гатчина

Поезд прибыл в Санкт-Петербург утром. Судя по документам, тот Андрей учился здесь и город должен был знать. А для этого Андрея все внове, в Питере он не был никогда. Решил посвятить день знакомству с городом. Быть в городе Петра, пусть и проездом, и не осмотреть, даже мельком, непростительная глупость. Конечно, город слишком велик, и одну улицу осмотреть не удастся толком. Оставил чемодан в камере хранения и от вокзала пошел по Невскому проспекту в сторону Невы. Самые интересные объекты здесь – Казанский собор, дворцы, а в конце Зимний дворец, Адмиралтейство, Дворцовый мост. Между знаковыми объектами ускорил шаг, экономя время. Хотелось увидеть все, а не получалось. Тот же Спас-на-Крови, рядом с Невским проспектом, виден с него. Как не свернуть, не отклониться от намеченного маршрута, если архитектура храма такая, что сердце от красоты замирает. Набожным Андрей не был, скорее, атеистом, но привлекала красота творения человеческого разума и рук. А еще распирала гордость за нацию. Как часто мы смотрим на Европу, завидуем, так ведь сами не хуже можем. Архитекторы и художники? Есть! Ученые? Так значительная часть открытий и изобретений наша, ускользнувшая на Запад по недогляду, по недоумию чиновников. Пока добрался до Невы, день прошел, даже не заметил, как время пролетело, забыл о еде.

До Московского вокзала добирался на трамвае. Забрал чемодан из камеры хранения, нашел извозчика и поехал на Балтийский вокзал. К этому времени в городе их было уже пять. Но на Гатчину ходили поезда именно с этого.

Поезд прибыл уже в полночь, и Андрей пожалел, что не остался переночевать в Санкт-Петербурге. Ночь, городишко маленький и известен своим дворцом, в свое время излюбленной резиденцией императора Павла I. Есть ли здесь гостиница? Далеко ли воздухоплавательная школа от города? Для подобной школы нужен аэродром, ангары, и никто в черте города их не расположит. Тем более в городе

дворец, используемый императором по назначению. Нарушать императорский покой ревом моторов никому не позволено.

К вокзалу подкатила пролетка, высадила пассажира. Андрей кинулся к извозчику:

– Любезный, мне бы в воздухоплавательную школу.

– Два рубля, ночью я на обратную дорогу желающих проехать не найду.

– Согласен!

Ехать пришлось с полчаса, через железнодорожный переезд, по темным и мрачным улицам. Гатчина осенью 1910 года насчитывала всего пятнадцать тысяч жителей и, кабы не Большой Гатчинский дворец и Приоратский замок, была бы полным захолустьем. В 1853 году в Гатчину провели железную дорогу из столицы, в 1881 году впервые в России в Гатчине появилось уличное электрическое освещение. По весне 1910 года в Гатчине основали первую воздухоплавательную школу и военный аэродром. Располагался он в четырех верстах от Гатчины, между Гатчиной и Мариенбургом с севера. Неподалеку от аэродрома, у деревни Сализи, располагался полигон. Начальником воздухоплавательной школы был генерал А. М. Кованько. К 14 мая 1910 года все работы по обустройству аэродрома были завершены: ангары, ремонтные мастерские, бензохранилище, здания технических и учебных служб. Взлетно-посадочная полоса шла вдоль полотна Балтийской железной дороги. В марте 1910 года во Францию откомандировали для обучения полетам капитанов Мациевича, Ульянина, Зеленского, штабс-капитана Матыевича и поручиков Комарова и Пиотровского, в будущем они должны были стать инструкторами. Кроме того, вместе с офицерами отбыли шесть нижних чинов для обучения мотористами.

Но первыми русскими пилотами, получившими дипломы, стали Михаил Ефимов, Николай Попов и Владимир Лебедев.

В Гатчину для обучения полетам доставили самолеты «Фарман» с мотором «Гном» и «Фарман» с мотором «Рено». Производство авиамоторов было слабым местом. Филиал в России французской фирмы «Гном» выпускал всего пять моторов в месяц, надежность их была скверной. Еще моторы выпускал

Путиловский завод и завод «Дукс». Испытывала их военная приемка. Каждый мотор должен был отработать тридцать часов, и только тогда его принимали военпреды.

Появление авиации в России стало возможным благодаря активной деятельности теоретика аэродинамики профессора Жуковского Н. Е., разработчика авиа-двигателей профессора Кудашева, химика, работавшего над созданием авиабензинов и масел профессора Менделеева и талантливого авиаконструктора Игоря Сикорского.

Аэродром действовал с 1910 года и был закрыт в 1963 году, так как город разросся и полеты стали опасны из-за близости домов.

Как показалось Андрею, извозчик остановил пролетку в чистом поле.

– Прибыли, ваш бродь!

– Ты куда меня привез, шельма? – возмутился Андрей.

– Так вон аэропланы стоят! – ткнул рукой в сторону извозчик.

Как бы в подтверждение из темноты раздался грозный оклик часового:

– Стой! Кто идет? Пароль?

Андрей рассчитался с извозчиком, направился к часовому.

– Поручик Киреев, прибыл по приказу для обучения.

– Стоять! – приказал часовой. – Сейчас вызову караульного начальника.

Часовой подал сигнал свистком. Через несколько минут появился разводящий, подошел к Андрею. Пришлось объясниться.

– Проходите, господин поручик, в караульное помещение. Придется немного подождать.

В караулке фельдфебель, бывший разводящим, проверил документы Андрея, подсветив керосиновой лампой.

- Скоро полеты, начальство появится.

Андрей достал из карманчика карманные часы, откинул крышку. Два часа ночи, какое начальство в такое время? Оказалось, фельдфебель не обнадеживал попусту. Уже в половине третьего на аэродроме слышались звуки – голоса, побрякивание железа, потом заревел один двигатель, другой. Их готовили к полетам. Полеты начинались в три часа утра, как только рассветало, и до 7 часов, продолжались с 17 часов и до 21 часа. Это была не прихоть, в это время обычно не бывает воздушных потоков, воздух неподвижен, то, что надо для курсантов, ведь первые аэропланы были не очень надежны, неважно управляемы и боялись дождя, снега, порывистого ветра. Еще бы, развороты делали блинчиком, без кренов. Переборщил со скоростью – и можно перевернуться. Учитывая, что пилоты не пристегивались, болтанка могла кончиться трагически.

В караулку зашел капитан. Фельдфебель вскочил, доложил о задержанном. У Андрея проверили документы.

- Поздравляю, господин поручик, с прибытием в школу воздухоплавания. Я провожу вас в штаб.

Удивительное дело, только в авиации в это время начальство ночью было на службе. Формировалось две группы. Пилотов и наблюдателей. Наблюдатели набирались из офицеров – артиллеристов и разведчиков, немного позже их назовут летнабами, летчиками-наблюдателями. В первом выпуске их было шестеро. Вторая группа – пилоты, числом десять человек. Часть теоретических дисциплин преподавали обеим группам сразу. В число их входили и метеорология, фотография, тактика применения аэропланов в военном деле, теория авиации, радиотелеграфия, материальная часть аэроплана, двигатели внутреннего сгорания, причем как автомобильные, так и авиационные.

На аэропланах тех лет могли стоять как автомобильные двигатели – рядные, с водяным охлаждением, так и авиационные – с охлаждением воздушным – и звездообразные по расположению цилиндров. Теоретические занятия серьезные. Кое-кто из офицеров отсеялся. До обучения полетам дошел только

десяток. Для начала совершили полет с инструктором. Андрей сидел на деревянной лавке, держался руками за борта. Мотор взревел, аэроплан начал разбегаться. В лицо ударил ветер. Буквально через пятьдесят-семьдесят метров самолет оторвался от земли. Андрей удивлен был. Впрочем, все бипланы того времени не требовали длинной полосы для взлета или посадки. Небольшой круг над периметром аэродрома и посадка. Ощущения более чем странные. Рев двигателя, ветер в лицо, побалтывание аппарата над озером с южной стороны аэродрома. Но в целом восторг, понравилось. Совсем не так, как в салоне пассажирского самолета.

После первого полета офицеры стали делиться впечатлениями. Полагали, начнутся полеты с инструктором. Как бы не так. Следующим днем курсанты занимались рулежкой по аэродрому. Один из аэропланов не имел крыльев, дабы не взлететь случайно.

Курсант давал газ, аппарат набирал скорость. Рулем направления поворачивали. Для Андрея самым скверным было то, что аэроплан не имел тормозов. Диковато выглядело. Посадочная скорость километров семьдесят. От препятствия на взлетно-посадочной полосе можно только увернуться, да и то если скорость упала. Если скорость еще велика, можно перевернуться. Из бака бензин льется на раскаленные выхлопные трубы, и моментальная вспышка. Это сейчас аэродромы имеют бетонные полосы, ограждение. А тогда на поле могла запросто выйти корова или проехать селянин на подводе неспешно. Мало кто обращал внимание на запрещающие таблички. Для хлипкого аэроплана столкновение с коровой или лошадью кончалось катастрофой. Аппарат был сделан из деревянных реек, обтянутых перкалем, мягким материалом, для влагостойкости покрытым лаком. Если делать шпангоуты из железа, получится корпус тяжелый, летательный аппарат будет неповоротлив в воздухе, если еще сможет взлететь. Здесь прямая зависимость. Чем тяжелее аэроплан, тем мощнее мотор должен быть. А поскольку мощных авиационных еще не было в массовом производстве, ставили два-три-четыре мотора. И с надежностью моторов была просто беда. Моторесурс исчислялся часами. В полете мотор мог остановиться в любую минуту. Выручала маленькая посадочная скорость. Пилот высматривал любую поляну, луг, ровное поле и приземлялся. Впрочем, не всегда удачно.

Пока осваивали рулежку, всем курсантам выдали летную одежду. Специальной формы не было, ходили на занятия и летали в своей армейской. Однако наступала осень с понижением температуры. Лучшая одежда – кожаная, не продувает ее. Каждый получил шлем, краги на руки, кожаную куртку и такие же

галифе и высокие ботинки, сейчас их называют берцы. Под куртку надевали свитер, и было вполне терпимо в открытой всем ветрам кабине.

Кстати, после революции чекисты на складах обнаружили летные кожаные костюмы, поставленные странами Антанты. Костюмы чекистам понравились, ибо отличали их от военнослужащих, а кроме того, в кожаных костюмах не водились вши, эти переносчики брюшного тифа, который после революции свирепствовал в России. За костюмы, сделанные из отличной свиной кожи, чекисты получили в народе прозвище «кожаные люди».

Чекистам понравилось все летное. Поскольку на аэропланах до поры до времени вооружения не было, летчиков вооружали Маузером С-96. Отличный пистолет с дальним и мощным боем, с деревянной кобурой, играющей роль приклада, как нельзя лучше подходил для пилотов, ибо пользоваться можно было пистолетом одной рукой, в отличие от винтовки. Маузер был значительно мощнее Нагана и, в отличие от револьвера, имевшего семь патронов в барабане, заряжался десятью или двадцатью патронами, в зависимости от модификации. Всем хорош пистолет, но дорог.

Антанта вместе с летными костюмами поставляла еще и Маузер. И чекисты присмотрели пистолет для себя, потом уже, после революции и Гражданской войны, заказывали в Германии этот пистолет с укороченным стволом и 20-зарядным магазином, получившим прозвище на Западе – Маузер-боло, большевистский Маузер.

Чтобы не возвращаться к вопросу одежды.

Величайшим одобрением 19.09.1914 года была утверждена форменная одежда для летного состава: фуражка черная с черным околышем и красным кантом, шинель черная, ботинки кожаные высокие, куртка и галифе кожаные, краги и шлем кожаные. А еще куртка суконная однобортная. Погоны серебряные с красным кантом. Слева на поясе кортик – нож, справа в кобуре пистолет. Пилоту положено жалование 300 руб. и 200 руб. летных.

Зарядили морозящие осенние дожди. Очень пригодилось кожаное обмундирование – не продувалось ветром, не промокало. Еще везло, что аэропланы взлетали и садились без проблем на травянистый покров летного поля.

В Севастополе 21 ноября 1910 года открылась вторая школа военных летчиков. Узнав об этом, офицеры позавидовали, в Крыму даже осенью тепло и сухо, в отличие от Гатчины, да и от всей губернии. Сказывалась близость Балтики.

Когда все курсанты освоили рулежку по аэродрому, начались полеты. Андрей полагал, что полеты начнутся с инструктором, он по ходу дела подскажет, подстрахует, подправит. Однако аэропланов с дублированным управлением не было. Инструктор Горшков буквально на пальцах объяснил.

- Даешь обороты мотору, как он набрал их, машешь обеими руками, солдаты бросают крылья, и начинается разбег, через полсотни аршин ручку легонько на себя. Легонько! Аэроплан сам оторвется от земли. Плавненько поднимаемся до уровня вон того тополя, делаем разворот, убираем обороты мотору и садимся. При посадке главное - выдерживать направление и касаться земли одновременно левым и правым колесом.

Перед взлетом по одному-два солдата держали каждое крыло аэроплана, так как тормозов не было. По команде пилота одновременно отпускали крыло и резко пригибались, чтобы не задело хвостовым оперением. На взгляд современного человека, видевшего технически совершенные самолеты, настоящий цирк. Но так летали не только в России, но и в других странах, осваивавших авиацию.

Андрей все выполнил скрупулезно. Мотор взревел на больших оборотах, в лицо ударила струя воздуха, аппарат затрясся, задрожал всеми сочленениями. Андрей поднял и опустил руки. Солдаты бросили крыло и пригнулись. Аэроплан начал разбег. Амортизации никакой. Казавшееся ровным поле изобиловало ямочками и бугорками. Аппарат подскакивал, Андрей педалями держал направление. Собственно, и ручку он не тянул. Тряска вдруг прекратилась, и земля стала уходить вниз. Справа промелькнули верхушки тополей, а аэроплан продолжал набирать высоту. Андрей спохватился, убрал обороты. Аэроплан перешел в горизонтальный полет. Дух захватывало от высоты, от открывавшейся перспективы. Слева по железнодорожным путям шел поезд. Медленно, ибо подходил к станции. Пассажиры смотрели на аэроплан в окна. Невидаль большая, летательных аппаратов в России три десятка наберется, посмотреть хотелось всем. Андрей дал вперед левую ногу, через педаль за тросы повернул хвостовой руль, аппарат стал разворачиваться. Вроде и радиус поворота большой, а центробежные силы стремятся аппарат наклонить. Эдак развернись резко и сам вылетишь из сиденья. Хотелось петь, кричать от избытка

чувств. Ему подвластен летательный аппарат, он волен лететь, как птица! Но управление требовало внимания и сил. Убрал газ почти до минимума, двигатель залопотал на малых оборотах. Андрей подал ручку вперед, аппарат наклонил нос, стал снижаться. Причем на снижении стал набирать скорость. Инструктор внизу размахивал руками, что-то показывал. Понять бы еще – что? Перед самым касанием земли Андрей ручку на себя потянул, аэроплан приподнял нос и мягко коснулся колесами взлетно-посадочной полосы. Первый полет, а получилось идеально. Картежники в таких случаях говорят – везет новичкам или пьяницам. Весь полет длился считанные минуты, а Андрей после приземления едва спустился с крыла, все силы куда-то ушли. Лоб платочком вытер, хотя во время полета не чувствовал, что потеет. Видимо, для организма полет дался не просто.

– Ну, молодец, поручик! – одобрил полет инструктор. – Все бы так первый полет совершали. Поручик Бондарь, в аэроплан!

Со стороны смотреть за полетом было страшновато. Аэроплан под управлением Бондаря то клевал носом, то рыскал по курсу. Андрею подумалось – неужели и он так пилотировал? Со стороны-то оно виднее.

Обучение происходило на аэроплане «Фарман-IV» с двигателем «Гном», ротативного типа аж в пятьдесят лошадей табуном. Развивал аэроплан максимальную скорость 55–60 км в час при максимальной высоте 510 метров. Аппарат представлял из себя биплан на велосипедном шасси в четыре колеса и хвостовым костылем, а не колесом, прозываемым в авиации дутиком. Пилот сидел на сиденье, на передней кромке крыла, за ним бензобак цилиндрической формы, на задней кромке крыла двигатель с толкающим винтом. Приборов никаких не было. Справа от пилота ручка управления горизонтальным рулем, слева – ручка управления двигателем. Ногами пилот опирался на деревянную качалку, наподобие педалей, от которой шли тросы к вертикальному хвостовому оперению. Проще уже невозможно. Летать на «этом» могли только смелые или безрассудные люди. Как ни странно, пока Андрей обучался, ни одной катастрофы не произошло. Да, колеса ломали, даже один раз конец крыла повредили, задев ангар. То ли от больших проблем спасали маленькая скорость и малый вес аппарата всего в четыреста килограммов, то ли высокая сознательность и ответственность офицеров, все же не нижние чины, каждый имел военное училище за спиной, прошел отбор.

Месяц занимались полетами и теоретической подготовкой, а как первый снег пошел да замело-завьюжило сразу, причем очень рано, в ноябре, дали три дня

выходных. Почти все офицеры, не сговариваясь, поехали в Санкт-Петербург. Питерских из курсантов только двое было, им красоты города уже приелись, они к семьям отправились. Остальные – поглазеть на дворцы, посидеть в ресторане. Курсанты питались в столовой при авиашколе и были не в восторге. Офицеров радовало, что получили жалование. Некоторые хотели посетить почту и отправить часть денег родным, семье. Большинство курсантов от 25 до 40 лет, и почти все семейные, серьезные. Андрей среди них самый молодой. Когда ехал в авиашколу, предполагал, что будут молодые офицеры, его возраста, ошибся. Обычно молодым свойственно осваивать новинки, ошибаться, идти вперед. Дальше так и получится, начнут учиться молодые офицеры.

Добрались поездом до Санкт-Петербурга, заняв сразу три купе. Первым делом с поезда – на Почтовую улицу, сделали переводы. Потом гурьбой к Исаакиевскому собору. Величественное сооружение! Походили, задрав головы на купол с росписью, фрески на стенах, образа. Затем на Дворцовую площадь, обошли Александровскую колонну. Слева от нее, если от Невского смотреть – Зимний дворец, справа – вогнутое здание Генштаба с аркой. К Генштабу то и дело подъезжали пролетки или автомобили с офицерами, явно штабными, судя по аксельбантам. Поглазели. Отправились на Невский в ресторан. О нем рассказали офицеры, которые в Питере жили. Не успели дойти, сзади женский возглас:

– Андрей?

Андрей имя услышал, но не отреагировал. Кто его в Питере знает? Потом стук каблучков и уже ближе:

– Андрей?

– Поручик! Тебя окликают. Да такая красавица! Когда ты только успел познакомиться?

Андрея холодный пот пробил. Девушка того Андрея, вместо которого он служил. Они же знакомы и переписывались. О ней он совсем забыл, вылетело из головы. Когда не видел человека, нет взаимно прожитых событий, о чем писать? И сейчас о чем говорить? А еще испуг – вдруг заявит при офицерах, что он не тот Киреев, за которого себя выдает? Все мысли эти в секунду пронеслись. Повернулся, самую обаятельную улыбку на лицо нацепил:

- Настя? Подумал сперва, что ослышался! Прости великодушно!

- Ты как здесь? Здравствуй!

- Я же писал, у меня будет перевод. Ныне я в Гатчине на учебе, в столице проездом.

- Поручик, может, ты познакомишь нас с дамой?

Это штабс-капитан из группы летнабов. И другие офицеры глазами просто пожирают девушку. У Насти от мужского внимания щечки запунцовели.

- Извольте, господа! Моя невеста, зовут Настя, учится в Смольном институте.

- Добрый день, господа, - кивнула девушка.

На самом деле выглядела она великолепно. Короткое суконное пальто с меховым воротником, из-под которого видна длинная юбка, едва приоткрывающая сапожки. Из-под лисьей шапки выбиваются кудри каштановых волос. Лицо классическое, нос прямой, кожа нежная, как у персика. Конечно, никакой косметики, как у современных девушек. Это Андрей сразу для себя отметил.

- Настенька, позвольте от лица офицеров пригласить вас в ресторан? - галантно наклонился в ее сторону штабс-капитан.

Видимо, еще тот повеса.

- Спасибо за приглашение, но меня маменька ждет в экипаже.

Действительно, недалеко от офицеров, на брусчатке, стоял экипаж, и на авиаторов поглядывала женщина лет сорока пяти.

- Жаль, искренне жаль! - щелкнул каблуками штабс-капитан. - Поручик, вы скрывали от нас такое чудо?!

Андрей подхватил девушку под локоток, отвел к паребрику. Офицеры всей гурьбой зашли в ресторан.

– Настя, мы на казарменном положении, в авиа-школе. За месяц, что мы здесь, это первый выходной.

– Не оправдывайся! Мог бы телефонировать. – Настя обиженно надула губки.

– Настя, там нет телефона! Там взлетное поле, аэропланы. Я на пилота учусь.

А сам лихорадочно обдумывал, что делать. Спровоцировать ссору, девушка уже в обиде, и многого не надо. И разорвать отношения или повиниться и загладить? Все же девушка Андрею понравилась, в его вкусе. И знакомиться не надо, уже знакомы. Насколько близко, Андрей не знал. Настя обернулась на экипаж. Девушка точно не из бедной семьи и хорошо образована, не зря Смольный называли «институт благородных девиц».

– Настя, я еще завтра буду в городе, давай встретимся, поговорим.

– Тогда приглашаю тебя на завтрак завтра к двенадцати. Адрес не забыл, надеюсь?

– Обязательно буду! – заверил Андрей.

А уже копыта лошади по брусчатке зацокали, экипаж проехал несколько аршин и остановился напротив Андрея и Насти. Андрей проводил девушку до экипажа. Поприветствовал мамашу, щелкнув по примеру штабс-капитана каблуками и склонив голову. Маман одарила его благосклонной улыбкой.

– Офицеры так галантны! Шарман!

Экипаж тронулся. Андрей в раздумье зашел в ресторан. Офицеры уже сняли шинели, сдвинули вместе два стола, уселись на стулья. Возле них возник официант – волосы с пробором, напомажены по моде.

– Что будем заказывать, господа?

– Готовое что-нибудь есть? Чтобы не ждать долго!

Заказом руководил штабс-капитан, видно было – дока в этих делах. Сосед Андрея, поручик Андреев спросил:

– Ты чего такой грустный? Такая девушка в невестах, а ты нос повесил.

Андрей отшутился. Сам же пытался вспомнить адрес Насти. На Васильевском острове – точно. А вот какая линия и номер дома? Знал бы, что пригодится, выучил или взял с собой конверт. Андрей сосредоточился. Зрительная память у него неплохая. Так, на конверте СПб. ВО (сокращенно – Васильевский остров, в народе – Васька), две единички всплыли, выходит, одиннадцатая линия, а вот дом? Впрочем, можно спросить у жителей на улице или околоточного надзирателя, они знают свой околоток как «Отче наш». От души отлегло. А официант уже принес графинчики с холодной водкой, блюдо с байкальским омулем, холодец с хреном. Офицеры рюмки наполнили, поднялись дружно.

– За государя!

Первый тост офицерство и чиновники поднимали за самодержца. Через год уже стукнет юбилей – триста лет дому Романовых. Не самая плохая династия для страны случилась. Бывали слабые императоры, но был и Александр II.

Выпив, набросились на холодец. Плотный, мясистый да с хреном ядреным, что слезы выдавливал. А официант уже куриный суп несет. С пылу с жару, из супницы половничком разливает ароматное варево. На Невском в ресторанах плохих поваров не держали, иначе заведение прогорит. За супом котлеты по-киевски. Затем перерыв – покурить, поговорить, полюбоваться дамами. По случаю выходных в ресторан к вечеру публика собираться стала. В основном лица гражданские, мужчины во фраках, женщины украшениями сверкают, как новогодняя елка игрушками. Видно, не в первый раз в ресторане, завсегда и, по отдельным кабинкам парочки разошлись. В углу общего зала стал играть маленький ансамбль – пианист и скрипач.

Офицеры еще выпили, уже за армию, потом за авиацию, ну и за себя любимых. Водка в графинчиках кончилась, штабс-капитан заказал еще. Андрей понял – это надолго, а завтра у всех будут помятые физиономии. Пора делать ноги. Улучив момент, подошел к Вяземскому, так звали штабс-капитана.

- Прошу прощения, мне необходимо покинуть компанию. Назовите сумму.

Штабс-капитан помолчал, явно прикидывая.

- Думаю, рублей двадцать получится.

Андрей достал купюры, отдал.

- Но сумма не окончательная, - предупредил Вяземский.

- Если буду должен, в понедельник отдам.

- Не сомневаюсь. Завидую я вам. Я ведь понял, куда вы собираетесь, поручик.

Штабс-капитан шутливо погрозил пальцем.

Ну да, предполагал - к Насте Андрей направится. А на самом деле пошел он в гостиницу. Надо выспаться, утром в порядок себя привести. А бритвы с собой нет, стало быть, в парикмахерскую идти надо. Вот что хорошо на Невском - все под рукой. Рестораны, магазины, гостиницы, храмы. Но дорого! Потому как центр.

Номер снял, раздевшись, принял ванну. В номерах тепло, электрическое освещение, даже телефоны есть, что по тем временам роскошь. Но все звонки через коммутатор, с барышней-телефонисткой.

По армейской привычке встал в шесть утра. Себя в порядок привел, легкий завтрак в номер заказал. По утрам привык всегда есть, ибо иной раз по службе не получалось пообедать и весь день приходилось быть голодным.

Парикмахерская при гостинице открылась в девять. Через полчаса уже покинул гостиницу и в магазин. Заявиться в гости после долгой разлуки с пустыми руками - признак дурного воспитания. А что подарить девушке? Вещи - банально, цветы - недолговечно, да и по морозцу пока донесешь, они пожухнут, почернеют. А как раз мимо ювелирного магазина шел. Решил зайти. По причине раннего времени - всего десять часов, для фешенебельного района рань несусветная, в магазине пусто. Приказчики позевывают, увидев офицера, сразу лица любезные сделали.

– Чего господин офицер желает?

– Подарок для девушки.

– Вы попали по адресу! У нас изделия не хуже, чем у Фаберже, только дешевле.

Андрея проводили к витрине. И это дешевле? Он постарался напустить на себя невозмутимый вид. Изделия красивые, одно на другое не похоже, чувствуется рука мастера, вкус. Но цена! Минимум половина его жалования и далее вверх, до годового жалования. Ну, так он не генерал.

Выбрал брошку. Перстень или кольцо – так размер пальца знать надо, а брошь красивая, даже с намеком, в виде стрекозы. Посмотрел на часы в торговом зале – почти одиннадцать. Надо поторапливаться. На трамвае добрался до Биржи, спрыгнул. Начал прохожих спрашивать, где одиннадцатая линия.

При Петре вместо улиц на Васильевском острове каналы были, жители передвигались на лодках вместо подвод или экипажей. После смерти Петра каналы засыпали, назвали немудрено – линиями, по номерам. До нужной улицы добрался быстро. И неожиданно повезло. На углу стоял полицейский, в темно-синем мундире, с саблей на боку. Почему-то полицейскую саблю прозвали «селедкой». Андрей подошел, в приветствии руку к козырьку фуражки вскинул. Полицейскому приятно, он-то из народа, а не благородных кровей.

– Не поможешь ли, служивый? На этой улице девушка Настя живет.

– О! Да и не одна! Какую надо?

– В Смольном учится, институтка.

– Такая только одна. Свой дом у семьи. Люди крайне порядочные. Папенька – чиновник в городской управе, свой выезд имеют. Семнадцатый дом по левой стороне, извольте.

– Благодарю.

Андрей успел вовремя. Только стукнул подвешенным на двери молоточком по медной табличке, как дверь слуга отворил.

- Вам назначено?

- Приглашен на завтрак. Доложите - поручик Киреев.

- Андрей, входите!

Со второго этажа по лестнице уже сбегала Анастасия. Слуга в сторону отступил, потом прикрыл за Андреем дверь, помог шинель снять, на вешалку определил. Андрей руку Насте поцеловал. Обнять при слуге или даже в щеку поцеловать постеснялся. В каких отношениях тот Андрей с Настей был? Уж лучше как-то нейтрально для начала.

- Пойдем наверх! Ты замерз?

- Настя, я же боевой офицер, а на улице градусов пять.

Настя провела его в свою комнату. Андрей решил сразу подарок вручить. Достал коробочку, обитую малиновым бархатом.

- Это тебе!

- Ты не забыл? Какой ты молодец! У меня сегодня день ангела.

Настя открыла коробочку.

- Какая прелесть! Можно примерить?

- Она твоя, делай что хочешь.

Девушка прицепила брошь к платью, подошла к зеркалу, покрутилась. Видимо, подарок пришелся по вкусу. Подскочила, обняла, прильнула, чмокнула в губы.

- Я на секунду, похвастаться маман! Ты не скучай.

И выбежала из комнаты. Андрей оглядел комнату. Он впервые был у гражданского лица в его комнате, было интересно. В шкафу книги, у трюмо лежат пальцы с вышивкой. Платяной шкаф Андрей открывать не стал. Кровать с панцирной сеткой по моде тех лет с прикроватной тумбочкой, на полу ковер с толстым ворсом. Никаких излишеств, признаков богатства. Поставь сюда телевизор и ноутбук, и получишь комнату девушки-студентки из его времени. Вошла Настя, вид довольный, щечки порозовели.

- Маман сказала - прелесть, у тебя хороший вкус.

- Я рад.

- Стол уже накрыт, пойдем.

Маму Настя называла на французский манер. Дворянство из иностранных языков предпочитало именно французский. Немецкий груб, для военных команд подходит и для маршей. К тому же почти все царицы были немками и в народе большой любовью не пользовались. Андрей пошел за Настей, держа ее за руку. Дом каменный, в два этажа. На втором - длинный коридор, из него двери в комнаты. Обеденная зала приличного размера с длинным столом, персон на двенадцать. Во главе стола, в торце его, папа Насти сидит, по случаю завтрака с гостем не в домашнем халате, а в сюртуке.

- Добрый день! - склонил голову Андрей.

- Доброе утро скорее. Впрочем, уже первый час. Давненько вы к нам не заходили, давненько. Пожалуйста, садитесь поближе. Федор, подавай.

В залу вошла маман, которую Андрей уже видел в экипаже. Андрей вскочил со стула, подошел, поцеловал ручку.

- Ваш подарок дочери мне понравился, - кивнула мамаша.

Обед растянулся на час. Ели не спеша, под разговоры. Слуга менял блюда по знаку хозяина. Потом Евграф Николаевич, как звали папу Насти, спросил:

- В командировке в Санкт-Петербурге?

– Скорее, на учебе. Авиатором буду, учусь на аэроплане летать.

Настя всплеснула руками, Татьяна Савельевна, мама девушки, нахмурилась:

– Это же очень опасно!

В голове Татьяны Савельевны явно выстроилась мрачная перспектива. Дочь выходит замуж за офицера, да ладно бы за лейб-гвардейца, а то за авиатора. Появится ребенок, а то и два, а муженек разобьется, оставив вдову у разбитого корыта. Мысли эти прямо-таки читались на лице женщины. Андрей ее понимал. Дело новое, рискованное. Авиаторы тогда были редки, как космонавты в шестидесятых годах. Немного позже, уже через десяток лет, на пилотов будут смотреть, как на героев, с придыханием. Такие пилоты, как Уточкин, Нестеров, прославили русскую авиацию, а Громов и Чкалов – советскую.

После того, как присутствующие узнали, что Андрей учится на воздухоплавателя, поздний завтрак или ранний обед как-то быстро завершился. Всех, кто летал, причисляли к воздухоплавателям, буквально через два года летчиков отнесли к авиации, а пилотов дирижаблей, монгольфьеров, воздушных шаров – к воздухоплавателям.

Настя увела Андрея в свою комнату. Только начали разговаривать, заглянула маман с тысячей извинений, на минуточку увела дочь. Минуточка растянулась на полчаса. Вернулась Настя с покрасневшими глазами, разговор уже не клеился. Андрей на часы посмотрел, сославшись на то, что надо идти на вокзал, ехать в Гатчину, раскланялся. Вышел из дома со странным чувством. Девушка ему понравилась, и отношения хотелось бы продолжить, но ее семье он явно не пришелся ко двору. И не сам как личность, а из-за специфики военной специальности. Андрей это понял интуицией. В этом доме ему рады не будут. Жаль, но он докучать не будет, у него своя гордость есть.

На вокзале уже были несколько офицеров из авиа-школы. Все из провинции, в столице родни не имели, идти некуда, решили вернуться до срока, как и Андрей. Столицы к провинциалам не ласковы обычно, как мачеха злая к падчерице.

Несколько дней полетов не было из-за скверной погоды – ветер, снег. Потом потеплело, снег стаял. Все нелетные дни будущие пилоты изучали теорию. Чем

больше знаний получали, а еще и летных часов, тем чаще в офицерском общежитии вспыхивали споры о месте и роли авиации в армии. То, на чем сейчас летали курсанты, воевать принципиально не могло. Вооружения не было, максимальная высота и скорость не велики, и сбить такой летательный аппарат опытному стрелку из обычной трехлинейки не составляло труда. Из технических видов вооружения флот, как и полевая артиллерия, уже проявил себя.

Авиация, как и танки, делала первые робкие шаги, и большинство военных не видело за ними перспектив в военном деле. Но уже через год, с появлением аэропланов, более похожих на самолеты, с фюзеляжем, с двигателями большей мощности, почти во всех странах, выпускающих летательные аппараты, стали проводить опыты по вооружению. Так и в Гатчине в 1911 году в присутствии государя императора провели опыты по аэрофотосъемке и испытанию установленного на аэроплане пулемета. Итоги признали положительными. Первые пулеметы в российской авиации массово стали устанавливать с марта 1916 года. Сначала на самолеты с толкающим винтом, ибо тянущий винт на носу аппарата мешал стрельбе. Французы как вариант стали ставить на винты стальные отсекатели, отражавшие пули в стороны, немцы придумали способ лучше – синхронизаторы. Когда винт подходил к оси ствола, простейший механизм блокировал возможность выстрела. Стрельба шла с перерывами, но из-за высокого темпа на слух эти перерывы не воспринимались. Немцы – народ технически грамотный, в отличие от французов. У «лягушатников» и машины в те времена были со странностями, например, радиатор у автомобилей «Рено» стоял между двигателем и кабиной, а не впереди, на носу машины, где поток воздуха лучше обдувает.

А бомбометание началось почти сразу, как только мощность моторов позволила поднимать в воздух не только пилота, но и груз. Бомбы укладывали в корзину в кабину, потом стали подвешивать снаружи фюзеляжа по бокам, позже появились бомбоотсеки, уже на «Илье Муромце», первом четырехмоторном бомбардировщике в мире.

Время пролетело быстро, подошла пора экзаменов. Принимали их начальник авиашколы и аэродрома генерал А. М. Кованько вместе с инструкторами и преподавателями. Несколько вопросов каждому, а полеты не производили. Инструкторы и курсанты прекрасно знали, кто и как летает, бездарей не было. А если и были бы неспособные, отсеялись бы естественным путем, разбившись. Каждому выпускнику был вручен диплом о присвоении квалификации пилота, а также нагрудный знак, представлявший серебряный венок из дубовых листьев, в

центре государственный герб в виде двуглавого орла, ниже два перекрещенных меча.

По статуту носили знак на правой половине груди. У летнабов венки были золотистого цвета, а не серебряного. На погоны прикрепляли знак авиации – черный металлический орел, державший в лапах меч и пропеллер.

Поскольку из своих частей офицеры уже были отчислены и приписаны к воздухоплавательному отделу, в провинцию не отправились.

В марте 1911 года в Россию стали поступать разобранные аэропланы «Ньюпор IV» из Франции. Их собирали, облетывали. По сравнению с «Фарманом» это был шаг вперед. Самолет имел фюзеляж, мотор «Гном» располагался впереди, имел тянущий винт. Поскольку был монопланом, скорость имел 110 километров в час, потолок в две тысячи метров, правда, высоту в тысячу метров набирал очень медленно, девять минут. Его начали производить в России. Так, Русско-Балтийский завод в Риге с осени 1912 года по апрель 1914 года произвел 38 аэропланов, завод Щетинина в Санкт-Петербурге – 57, а завод «Дукс» в Москве – 55 штук. За характерную противокапотажную лыжу под мотором самолет получил ироническое прозвище «Ньюпор с ложкой». С 14 по 22 мая в столице проходила авиационная неделя, где публике и специалистам демонстрировали новинки авиастроения, в том числе «Ньюпор IV». А в период с 27 мая по седьмое июля лейтенант Дыбовский совершил перелет Севастополь – Санкт-Петербург, поставив рекорд дальности. Однако из-за непогоды ему пришлось две недели просидеть на промежуточном аэродроме в Москве.

Однако «Ньюпор IV» имел нетрадиционное управление. После начала выпуска аэропланов в России и поставки выпущенных во Франции прошла череда авиакатастроф со смертельными исходами для пилотов. Полковник Демченко в начале 1916 года писал докладную в Генштаб:

«Признать «Ньюпор» годным для снабжения армии было ужасной ошибкой, повлекшей за собой печальные последствия и затруднительное положение в начале войны».

Вроде бы мелочь, но, пересаживаясь на «Ньюпор» с «Блерио», «Фармана» или «Морана», пилот не был готов к особенностям. На всех аэропланах, кроме «Ньюпора», педалями совершался поворот по горизонту, а ручкой «на себя или

от себя» аэроплан совершал вертикальный маневр – вверх или вниз. На «Ньюпоре» ручкой управлялось все – повороты отклонением ручки влево или вправо, движением на себя или от себя – набор или снижение высоты, а педалями производилось гоширование, по-иному – перекося крыльев, вместо элеронов, для осуществления кренов.

Когда на аэродроме собирали самолеты, курсанты наблюдали, а французские механики давали пояснения. Пожалуй, только двое из всех пилотов не понимали французского – Андрей и еще один пилот, но товарищи им переводили.

Для освоения начали пробежки по аэродрому. Имея малый самостоятельный налет, пришлось фактически переучиваться. Особенно трудной получилась для Андрея посадка. Когда самолет ветром стал отклоняться от курса уже при пробежке, Андрей дал вперед правую ногу, двинув педаль. Ничего в поведении самолета не изменилось, да и могло бы только в воздухе. Пришлось действовать ручкой.

Именно на «Ньюпоре IV» поручик Петр Николаевич Нестеров 27 августа 1913 года впервые в мире выполнил «мертвую петлю». Вот как он описывает сам:

«На высоте тысячу метров я выключил мотор, стал планировать вертикально вниз, на высоте шестьсот метров включил мотор, выровнял аэроплан в горизонтальный полет, задрал нос и сделал переворот через спину. Выполнение петли заняло восемь секунд. Потом сел».

Кстати, Нестеров привязывал себя к сиденью ремнем, опасаясь выпасть из кабины. Случаи гибели пилотов, выпавших из аэроплана, уже были. Француз Пегу выполнил «мертвую петлю» 21 сентября, через три недели позже Нестерова. Кстати, на «Ньюпоре» Нестеров во время войны впервые в мире совершил таран немецкого «Альбатроса», но неудачно. Оба аэроплана рухнули, и оба пилота погибли.

Тем не менее молодые пилоты осваивали французскую новинку. Аэроплан был явно лучше «Фармана». Среди пилотов только и разговоров было о создании авиаотрядов.

Лишь 30 июля 1912 года был образован воздухоплавательный отдел при Генштабе. Сразу было запланировано создать 18 авиаотрядов, создано было

восемь, но перед мировой войной в России их уже насчитывалось тридцать девять. Самые распространенные – крепостные. По штатной численности в отряд входили семь летчиков, из которых пять офицеров и два нижних чина, обычно фельдфебели. Кроме того, в отряде были 163 нижних чина и два грузовых автомобиля.

Андрей приказом по воздухоплавательному отделу был определен в Осовецкий крепостной авиаотряд, созданный в числе первых, наравне с Гродненским и Брест-Литовским. Отряд получил самолеты «Ньюпор IV». Фактически эти аэропланы годились только для разведывательных полетов и для связи между штабами корпусов. Тихоходный, невооруженный аппарат перед началом войны уступал немецким «Фокерам» и «Альбатросам», которые обладали более мощными двигателями и могли подниматься на высоту до четырех тысяч метров, вдвое превосходя «Ньюпор». А в авиации те, кто имеет преимущество в высоте и скорости, имеет шанс на победу. Кроме того, немцы уже имели пулеметы в 1914 году, правда, не на всех типах самолетов. У российских массово они стали устанавливаться в 1916 году, да и те не очень подходили для авиации. В пехоте был Максим, но охлаждение его было водяное, боялись, что на высоте, особенно зимой, вода замерзнет. Кроме того, Максим имел ленточное боепитание, в полете заменить ленту в открытой всем ветрам кабине не всегда возможно. Потому пробовали еще в 1913 году закупать за границей пулеметы с воздушным охлаждением, боепитанием из магазина – пулеметы Льюиса и Мадсена. Магазин заменялся быстро, однако хватало его на две-три очереди.

Получив предписание, Андрей уложил нехитрые пожитки в чемодан и отправился на вокзал. Железнодорожное сообщение как из Москвы, так и из Санкт-Петербурга на Варшаву и далее на Берлин было хорошим. Офицеру его чина положен купейный вагон, а полковнику уже спальный, мягкий. В купе одно место из двух уже было занято. Молодой господин в темно-сером костюме, прическа короткая, выправка. Андрей сразу подумал – офицер в штатском. Познакомились, оказалось, почти угадал. Попутчик оказался офицером, но не военным, а полиции, конкретно – третьего отделения, в простонародье – охранка. Андрей историю изучал и в школе, поверхностно, и в военном училище. Знал, что Охранное отделение, созданное еще Бенкендорфом, фактически политический сыск.

И создано было после многочисленных покушений на императоров российских и высокопоставленных чиновников, в частности генерал-губернатора Москвы. По мнению Андрея, Охранному отделению поактивнее надо было себя вести,

пожесточе. Из-за их попустительства во многом разрушилась империя. Выявить лжедемократов, шлепнуть десяток, остальных на каторгу в Сибирь сослать, так и не случилось бы революционного переворота, когда к власти пришли говоруны-неумехи, неспособные управлять огромной страной. А в октябре большевики прибрали власть, которая плохо лежала. На немецкие деньги устроили переворот, заключили постыдный Брестский мир, а после утопили Россию в крови Гражданской войны. К потрясениям в стране Андрей относился категорически отрицательно. Любые перевороты приводят к жертвам, ослаблению страны, чем и воспользовалась после революции Антанта, высадив войска в Архангельске и во Владивостоке. Без малого с большим трудом удалось оставить страну целой, не разорвать на куски, хотя уже и была создана Дальневосточная республика.

На языке так и вертелась информация об Ульянове, о его речи на броневике у Финляндского вокзала. Арестовать Ульянова еще в вагоне при подъезде к столице – и империя была бы сохранена. Андрей по сути своей был государственнымником, как и другие офицеры. В политику не лезли, но свои убеждения имели. Ему было все равно, абсолютная монархия в стране или парламентская республика, но власть должна быть вменяемой. Те же большевики в чем только царя не обвиняли, дескать, кровавый режим, угнетение народа. Сами, придя к власти, арестовали царскую семью и слуг, а потом и расстреляли в подвале Ипатьевского дома, хотя Николай отрекся от власти и угрозы не представлял. А потом большевики устроили кровавый террор в стране. К власти пришли люди с большими амбициями, причем путем обмана. Рабочим пообещали фабрики и заводы, крестьянам землю, а не дали ничего. Селян раскулачили, деревенскую нищету загнали в колхозы. А рабочим за десятиминутное опоздание давали тюремный срок.

Удержался Андрей, не стал говорить о Ленине и приспешниках. Без фактов и доказательств все это лишь слова, а фактов еще не существовало. Человек из другого столетия, он их знал. Но разве поверит им жандармский офицер? Как всякому профессионалу, ему нужны даты, явки, вещественные доказательства.

Через двое суток поезд прибыл в Белосток, и Андрею пришлось сойти, пересест на другой поезд. До крепости Осовец от Белостока 54 версты, крепость имела свою железнодорожную станцию, все же крепость второго класса. Построили крепость в 1882 году в излучине реки Бобр, в 22 верстах от прусской границы. Три мощных форта стояли на восточном берегу реки, соединенные ходами, а один форт, Сосненский, располагался на западном берегу. Крепость

перекрывала территорию междуречья Вислы и Немана и Нарвы – Буга. С севера и юга крепость обойти было невозможно из-за болотистой местности. До ближайшей польской деревни 12 верст. Крепость запирала железную дорогу и шоссе Лык – Белосток. Относилась крепость к Варшавскому военному округу, и командовал ею генерал-майор Шульман Карл-Август Александрович.

Уставший от продолжительной дороги Андрей высадился на вокзале Осовца уже вечером. Вокзал небольшой, одноэтажный. На перроне и внутри здания сплошь военнотружущие, ни одного гражданского лица. Непривычно. Андрей направился к коменданту вокзала, предъявил предписание. Форты вот они, высятся темными громадами, но аэродром не может располагаться внутри крепости, ему большая территория необходима. Комендант предписание прочел, подкрутил ус.

– Федотов! Проводи господина поручика в воздухоплавательную роту!

– Слушаюсь, ваш бродь!

Солдат подхватил чемодан Андрея.

– Следуйте за мной, господин поручик.

В Осовце располагалась шестая воздухоплавательная рота, которой командовал подполковник Ляхов. По штатному расписанию рота имела одиннадцать офицеров, одного врача, двух военных чиновников и полторы сотни нижних чинов. А фактически имела одну треть, находилась в стадии формирования. Идти пришлось далеко, нанять пролетку решительно не было никакой возможности из-за их отсутствия.

Уже и форты позади остались с их батареями, с обеих сторон дороги лес. Наконец впереди показался фонарь у караульного помещения.

– Пришли, ваш бродь!

Солдат довел его до караулки. Из дверей вышел усатый фельдфебель, проверил документы.

– Прошу простить, господин поручик, а придется вам в караулке до утра просидеть. Никаких указаний на ваш счет не поступало.

Зашли в караулку, где находилась отдыхающая смена. В углу пирамида с трехлинейками.

– Присаживайтесь, господин поручик.

Так и просидел до утра Андрей на стуле, придремывая.

Рано утром, в шесть часов, к караулке подкатил легковой автомобиль «Руссо-Балт». К штабной машине подбежал фельдфебель, доложил о прибытии поручика. Да Андрей и сам вышел за фельдфебелем на звук мотора. Из машины выбрался подполковник. Андрей отдал честь, предъявил личные документы.

– Пилот? Очень хорошо! А то летчиков пока всего трое, вы будете четвертым. Садитесь в машину, поедem в штаб роты.

Андрея внесли в списки роты, поставили на все виды довольствия. К восьми часам к штабу подошли офицеры.

– Знакомьтесь, господин поручик! Князь Баратов, командир отделения. Поручик Патронов и поручик Чуканов.

Андрей приложил руку к фуражке:

– Поручик Киреев Андрей Владимирович.

– Добро пожаловать в нашу роту, – пробасил князь.

По званию он был капитан, но, как позже выяснилось, все пилоты в авиации были новичками, а Баратов окончил его Императорского Величества Пажеский корпус, а прошлой осенью – авиашколу в Каче. У офицеров одной специальности всегда есть о чем поговорить. Андрей с удивлением узнал, что подполковник Ляхов летать не умеет, назначен приказом.

Квартировали пилоты в офицерском общежитии в доме при аэродроме. Провели его туда, показали комнату.

– Занимайте, поручик!

А всех вещей – один чемодан, в котором бритва, запасное белье и летный кожаный костюм. Потом гурьбой отправились к ангарам. Готовых, собранных и облетанных аэропланов было два. Еще несколько ящиков с деталями стояли у мастерских, дожидались сборки.

Аэропланы знакомы по Гатчине – «Ньюпоры». Подошли к одному из аппаратов, остро пахло бензином.

– Андрей Владимирович, для начала изучите карту местности. До прусской границы всего ничего, стоит залететь невзначай на немецкую территорию, рискуете быть сбитым зенитной артиллерией. Аэропланы у немцев есть, но не вооружены. Впрочем, как и у нас, – огорченно сказал князь.

Все верно, для начала надо изучить карту. Ее Андрей в штабе получил. А засел изучать уже после обеда в офицерской столовой. Тогда подавали одинаковые блюда офицерам разных специальностей. Это сейчас, когда резко возросли скорости, а главное – высоты, у пилотов появились специальные костюмы и диеты, из которых исключались некоторые продукты. В частности, все газообразующие – молочные, горох, фасоль, черный хлеб. Иначе при подъеме на высоту, с падением атмосферного давления, кишечные газы могут просто разорвать кишечник.

Что было плохо, в «Ньюпоре» из приборов был один альтиметр, показывавший высоту. Ни компаса, ни других приборов не было. Сложно летать, не зная запаса бензина в баке. А без компаса, влетев в низкую тучу, легко заблудиться. Доходило до того, что пилоты для определения своего положения снижались у железнодорожных станций и читали вывески на вокзалах. Их писали по стандарту, крупными черными буквами на белом фоне, читалось легко.

Да и за оставшиеся полдня изучить район полетов невозможно. Учил и следующим днем, поскольку аэроплана для него все равно еще не было, механики только приступили к сборке. А через день выходные. Офицеры-пилоты пошли в офицерское собрание. Фактически единственное место, где можно было

пообщаться, пропустить по рюмке коньячка. Нравы свободные, каждый офицер, невзирая на звание и должность, имел право высказать свое мнение на собрании, подпоручик на равных мог поспорить с полковником. Крепость близка к границе, и много разговоров о Германии. О возможности нападения немцев и речи не было. Обсуждали техническую оснащенность, организационную структуру, вооружение вероятного противника.

Глава 3

Война

Все же аэроплан для Андрея собрали. Сначала запустили мотор «Гном». Конструкция своеобразная, авиационная, звездообразная. Двигатель ротативный, то есть крутится сам двигатель и воздушный винт, а коленвал стоит на месте, это позволяло снизить вес мотора. Но и страдал он «болячками». Масло ел едва не ведрами и не мог долго держать высокие обороты. Андрей, сидя в кабине, погонял мотор на разных оборотах, потом сделал пробежку по рулежной полосе, развернулся, дал газ, пролетел на высоте нескольких метров и сел. Аппарат вел себя нормально, без замечаний. Он направился в штаб просить разрешения на полет. Надо же ознакомиться с местностью вживую. Позволение командира отряда подполковника Ляхова было получено. Пилоты отряда вышли поглазеть, как будет летать новичок. Короткий разбег, самолет в воздухе. По расширяющейся спирали стал набирать высоту. Альтиметр уже тысячу метров показывает. Вся земля внизу на квадратики полей разбита, виден паровоз с вагонами.

Андрей попробовал сделать несколько маневров. Аэроплан легко слушался. Для первого полета хватит, конкретного задания не было. Протянул руку к рычагу подачи топлива, слегка обороты убрать, а мотор заглох. За счет набегающего воздуха и инерции самого мотора винт еще вращался. Андрей попробовал несколько раз покачать рычагом подачи топлива. На земле солдат крутил винт вместо стартера, а сейчас винт еще вращается и шансы запустить есть. Редкие вспышки в цилиндрах были, но двигатель не работал. Андрей бросил попытки. Надо садиться, пусть мотористы выясняют причину.

Вот что не отнять у допотопных аэропланов, так их способность планировать с неработающим мотором. Называлось это по-научному – аэродинамическое качество. Чем дальше аэроплан мог пролететь, тем качество выше. Площадь крыльев большая, вес аппарата маленький. Андрей педалями заложил крен, помог ручкой. Аэроплан описывал большие круги над аэродромом, снижаясь. Андрей слышал посвист ветра в расчалках. При работающем моторе этих звуков не слышно, рев мотора оглушает. На авиамоторах глушителей сроду не было, они отнимают мощность, а в полете каждая лошадиная сила важна и нужна. Пилоты, наблюдавшие с земли за полетом, кричали:

– Ручку убери, снижайся медленно!

Андрей их слышал, сам действовал так же. Случаи остановки моторов были не редки из-за их несовершенства, плохого качества деталей. Особенно донимало магнето. На последних трех-четыре десятках метров направил самолет носом вниз, потом резко ручку на себя. Аэроплан коснулся колесами земли, пробежал немного и замер. К нему уже бежали мотористы, механики, пилоты.

– Жив?

– Цел. Мотор сдох.

– Слышали.

Механики начали проверять разные системы мотора. Оказалось, мелочь – не был промыт от консервационной смазки топливный фильтр. Но эта мелочь могла привести к гибели летчика и самолета. Виновный тут же был доставлен в крепость на гауптвахту. Командиру авиароты предстояло решить теперь его судьбу. Отчислить в пехоту или простить на первый раз. Техника для пилотов и механиков новая, не все еще освоено должным образом. Но случай как-то сблизил пилотов. На месте Андрея мог быть любой из них. Его хлопали по плечу, ободряли, говорили, что легким испугом отделался.

Через несколько дней пошли уже плановые полеты. В роту прибыл летнаб, окончивший Качинскую авиа-школу, поручик Кагальницын. Пролетели с ним вдоль прусской границы, держась от нее в полукилометре. Летнаб разглядывал сопредельную территорию в бинокль. Видимо, немцы за российской стороной наблюдали. Через четверть часа по другую сторону границы появился немецкий

аэроплан. Шел он параллельным курсом. Андрей в первый раз видел вживую немецкий самолет, кресты на фюзеляже и крыльях. Были они не такие, как свастика, и не прямые, а напоминали наградные «железные кресты». Это был «Альбатрос Д III», модель современная, ведь еще значительную часть авиапарка составлял аэроплан «Таубе».

Вообще, аэропланы всех европейских государств представляли собой конструкции хрупкие, архаичные. Немцы сперва делали ставку не на самолеты, а на жесткие дирижабли, которых построили больше сотни к 1914 году. Скоростью дирижабль не уступал аэропланам тех лет, а грузоподъемностью превосходил многократно. Имел пулеметное вооружение. Но в боях проявил себя плохо. Когда на самолетах появились пулеметы, а французы стали их массово ставить с весны 1915 года, зажигательные пули поставили на военной карьере дирижаблей крест. Наполненные горючим водородом дирижабли горели и взрывались. Единственно, где они применялись до окончания войны, – на сопровождении морских конвоев, ибо способны висеть над судами многие часы, а то и сутки, чего самолеты не могли.

Но с началом войны самолеты во многих государствах стали быстро усовершенствоваться. Появились и мощные авиамоторы до 400 л. с., как у англичан. Аэропланы разделились на классы – разведывательные, имевшие фотоаппаратуру, истребительные с вооружением пулеметами и бомбардировщики, несущие бомбовую нагрузку, многомоторные, вроде русского «Ильи Муромца» или французского «Голиафа». А еще самолеты удвоили скорость. Если перед войной сто километров в час считалось уже отлично, то в конце войны французский СПАД имел уже 217 км/ч.

Крест был на немецких аэропланах, на самолетах других стран – России, Франции, Англии, Италии – знак принадлежности имелся в виде кольца. Русский наружное кольцо имел красное, меньше его по диаметру синее, а в центре белый круг. Франция цвета колец имела те же, но в другой последовательности.

Какое-то время аэропланы летели параллельно. Потом немец, убедившись, что русский пилот не собирается нарушать границу, отвернул и стал снижаться. Андрей вблизи увидел самолет противника. Еще пару лет, и они сойдутся в боях. Была небольшая ревность, потому как «Альбатрос» выглядел более современным. По крайней мере, у него не было стоек над кабиной пилота и идущих от них расчалок к крыльям. Получалось, силуэт более благороден, обтекаем. Летнаб что-то прокричал. За треском мотора Андрей слова его не

расслышал. Посмотрев на часы, развернул аэроплан в обратную сторону. Топлива хватало на два часа, а еще надо было подумать о небольшом резерве на непредвиденный случай, чтобы уйти на запасной аэродром.

Максимум дальности для «Ньюпора» – два часа лета или двести километров. Назад Андрей летел тем же маршрутом. Летнаб вдруг стал показывать рукой за борт. Непонятно, но кричать бесполезно. Не было еще средств связи между членами экипажа. Уже когда приземлились, Андрей заглушил мотор, стянул шлем.

– Поручик, вы что хотели мне сказать?

– Аэродром немецкий, откуда «Альбатрос» взлетел. Я его засек!

В возбуждении летнаб достал топографическую карту, ткнул пальцем.

– Здесь!

Почти полсотни километров от Осовца. Полеты осуществлялись почти каждый день. Пилоты летали на север и на юг от крепости. И полеты их не были зряшными. Удавалось обнаружить и аэродромы, и воинские части и склады. Однако в дальнейшем это большой пользы не принесло. Немцы напали первыми, перешли границу и углубились на территорию империи.

В один из дней Андрея посыльным вызвали в штаб авиароты.

– Голубчик, – укоризненно покачал головой подполковник. – Что же вы молчите? Нехорош-с!

– А что случилось, господин подполковник?

Андрей и в самом деле не чувствовал за собой ошибок или промахов.

– Вы уже больше года не были в отпуске! По итогам года деньги спишут, а мне дадут нагоняй. Пишите прошение, я поставлю визу.

– Да мне особо и ехать некуда.

– Не мои проблемы. Езжайте к родителям, к девушке. Неужели не надоела наша глухомань?

И правда, погулять, познакомиться с какой-нибудь девушкой было негде. Гражданских лиц, кроме семей офицеров, не было.

Андрей написал прошение, в тот же день был издан приказ по роте. Он получил отпускные деньги и проездные документы. Решил ехать в Крым. После Русско-японской войны Крым стал излюбленным местом отдыха царей, даже дворцы себе там построили. Да не дворцы Андрей решил смотреть, все равно охрана не пропустит. А покупаться, пока море теплое, все же бархатный сезон.

Не дано человеку знать свое будущее. Может, и к счастью. Не каждый может распорядиться толково знаниями. Один, обладая знаниями по бактериологии, создает бактериологическое оружие, а другой, с тем же уровнем знаний, – лекарства от инфекций. Ехать пришлось с пересадками. Сначала до Минска, пересадка на поезд в Киев, потом уже в Крым. Как авиатор сначала добрался до Севастополя, из него в Качу. Было интересно посмотреть на авиашколу. И был разочарован. Аэропланы уже морально, да и технически устаревшие. Конечно, дело авиашколы – научить курсантов навыкам пилотирования, а потом сами освоят другие летательные аппараты. Но Андрей полагал, что стоит начать обучение с тихоходных аппаратов, типа «Блерио», прощавших ошибки, а потом переходить к более совершенным. Видел он уже, хоть издали, немецкий «Альбатрос». Даже зависть была, хотелось полетать на таком аппарате. Кто заболел небом, это уже навсегда. Но небо – стихия для человека чуждая, ошибок не прощает. В Каче Андрей пробыл несколько часов, да и отправился на побережье, наняв извозчика с пролеткой.

В курортных поселках жизнь неспешная. Отдыхать люди приехали, не работать. Дамы под зонтиками, чтобы не загореть. Загар – удел простолюдинов. Средине сентября, часть отдыхающих уже уехала в столицы, свободных квартир полно. Андрей снял квартиру у грека. У того и парусный бот есть, вывозит отдыхающих в море – порыбачить, полюбоваться красотами.

Лавочек полно, где местные жители продают блюда национальной кухни. И татары здесь есть, и греки, и армяне, и русские. А еще в каждой лавке вино. Однако хозяин дома, грек, посоветовал съездить в Массандру или имение Новый Свет князя Голицына. Андрей кивнул, отложил на потом. Не такой он любитель

вина, чтобы ехать на дегустацию так далеко. Уж лучше ловить последние теплые деньки, загорать, радоваться солнцу, есть фрукты, только сорванные с дерева. Чтобы не выделяться, купил в магазине белые полотняные штаны и такую же рубашку, по моде отдыхающих тех лет, а еще белую кепку. Фотограф на набережной с огромным деревянным фотоаппаратом на штативе-треноге застал все-таки сделать фото на память. Конечно, после цветной печати черно-белые снимки, да еще не очень четкие, впечатления большого не производили, но оставил на память. Будет чем похвастать перед офицерами авиароты.

Беззаботная жизнь и вкусная еда привели к набору веса в два фунта, последние дни упорно сгонял физическими упражнениями – бегом, приседаниями, отжиманиями. Зато форма села как влитая. Грек Анастас всплеснул руками:

– Вай! Прямо гвардеец! Такому не грех стоять в царской охране в Ливадийском дворце.

– В охране государя казаки и лейб-гвардия, а я к ним не отношусь.

Андрей заплатил греку, и тот отвез его в Ростов-на-Дону на своем суденышке. Так получалось быстрее и удобнее, чем с пересадками до Киева. Полуостров дорогами не баловал, приезжали отдыхать в основном туберкулезники, климат и воздух для них подходящий.

Андрей вечером сел в поезд, а утром уже вышел в Киеве. Прогулялся по Крещатику, главной улице Киева, посетил лавру. Не сказать, что набожный был, но быть в Киеве и не осмотреть лавру?! Она не только один из центров православия, но и архитектурный шедевр. Успел осмотреть все, вечером поужинал в ресторане. Заказывал блюда украинской кухни – борщ с пампушками, вареники со сметаной, да под горилку и вовсе славно получилось.

Когда занимаешься делом, которое нравится, время летит быстро, не заметил, как отпуск подошел. А ушел в отпуск, и возвращаться не хочется. Спи вволю, ешь от пуза чего хочешь, любуйся красотами. Странно устроен человек.

Только от Киева отъехал поездом Киев – Варшава, а все мысли уже о службе. Механики и мотористы обещали за время отпуска Андрея провести на аэроплане регламентные работы.

Поезд прибыл в полдень, Андрей с небольшим чемоданом прогулялся к казарме авиароты, пообедал в офицерской столовой, потом доложил подполковнику о прибытии.

– Видно, отдохнул, загорел, – похвалил подполковник. – С завтрашнего дня приступайте к полетам, поручик.

– Есть приступать!

За время его отпуска авиарота пополнилась двумя пилотами и несколькими нижними чинами с квалификацией моториста или механика. Обучение в авиашколах не успевало за потребностями армии, это становилось понятно всем, от командиров авиарот до Генштаба.

В гатчинской авиашколе пробовали установить на аэропланы пулеметы. Стреляли с дистанции полтора километра по деревянному щиту 9?7 метров. Испытания стрельбой признали удовлетворительными, но дальше экспериментов пока не пошло. Командование считало главной задачей авиации разведку, корректировку артиллерийского огня и бомбардировку. Для бомбардировки были нужны аэропланы с более мощными моторами и высокой грузоподъемностью. Таковых в русской авиации не было до появления четырехмоторного самолета И. Сикорского «Илья Муромец». Но к середине 1914 года, до начала войны, их было изготовлено всего четыре, а произведено за время войны 85 штук.

А в аэрофотосъемке русские авиаторы не отставали от европейских ни качеством фотокамер, ни качеством самой съемки. С корректировкой артогна было хуже. Летнаб вел наблюдение, следил за разрывами снарядов на территории противника. Описывал полукруг, за время эволюции летнаб писал записку, вкладывал ее в металлический футляр с привязанным полотном яркой раскраски для заметности – красным, зеленым. Такой вымпел сбрасывали на стреляющую батарею, записка корректировщика передавалась командиру батареи. А немцы в вопросе корректировки опередили всех. Они сначала испытали, а после стали устанавливать на самолетах радиостанции. Самолеты тех времен были двухместные, летчик пилотировал, летнаб наблюдал и передавал по радиации поправки или новые координаты. Французы в этом отстали, а у советской авиации радиации на самолетах в массовом количестве появились во время Второй мировой войны.

Тут еще и военная доктрина Русской армии устарела. Генералитет России делал ставку на кавалерию как на мобильный род войск. А 75 % потерь воюющих сторон нанесла артиллерия, причем тяжелые орудия. К началу войны таких пушек в Российской армии было 240, а в Германии 3260. Немецкая промышленность, готовясь к войне, выпускала 250 тысяч снарядов в сутки.

Предполагая, что вероятные противники тоже применят кавалерию, генералитет дал задание, и для борьбы с кавалерией с самолетов были придуманы и массово выпускались металлические стрелы, с хвостовиком для стабилизации, весом около двухсот граммов. Они выбрасывались летнабом из ящика над конницей. Падая с высоты, такие стрелы пробивали и всадника, и лошадь. Однако Андрей эти стрелки для борьбы с кавалерией воспринимал как анахронизм, времена луков и стрел.

Когда Андрей отправлялся в полеты один, скажем, с пакетом связи в Гродно или Белосток, он обязательно тренировался – закладывал виражи, обязательно с крутыми кренами почти под девяносто градусов. Только такой фигурой пилотажа можно было внезапно и быстро изменить направление полета. Из прочитанной еще в детстве книги с картинками имел представление о фигурах высшего пилотажа: бочке, иммельмане, мертвой петле. Но выполнять их опасался по двум причинам. Первая и главная – не было уверенности в надежности аппарата. Выдержит ли он повышенную нагрузку, не развалится ли в воздухе? Был бы парашют, можно было бы рискнуть. А вторая причина – не знал, как это технически исполнить. По мере налета, опыта стал свои опыты проводить. Давал нагрузку на самолет, прислушивался и приглядывался: не трещит ли фюзеляж или крылья, не рвется ли перкаль, которым обтянуты крылья и фюзеляж? Немцы уже стали делать шпангоуты из алюминия, а французы и русские продолжали делать набор из дерева. Тяжелее по весу получалось, трудозатратнее, пожароопаснее, но дешевле. Для массового производства цена играла роль.

Сначала удалось сделать бочку, чему был рад. Потом решил совершить «мертвую петлю». Из истории знал, что Петр Нестеров совершит этот элемент именно на таком же аэроплане и аппарат выдержит. Правда, в отличие от Нестерова двигатель на нисходящем этапе петли не глушил, убрал обороты до холостых. Страшновато было. Земля стремительно надвигалась, Андрей следил за альтиметром. Уже восемьсот метров, пора выводить. Запас высоты себе дал на всякий случай, Нестеров выводил из нижней точки на шестистах метров. Потянул ручку на себя, дал обороты мотору до максимальных. Второго члена

экипажа не было, да Андрей и не рисковал бы жизнью летнаба. Каждый человек должен сам отвечать за свои поступки. Решил сделать «мертвую петлю» – это твое дело. Сам рискуй своей шкурой, не втягивая других.

Без летнаба аппарат легче, отозвался на движения рукой быстро, нос задрал, вверх полез. Андрей ручку продолжает на себя тянуть. Силы инерции в сиденье его вдавили, перед глазами только небесная синева. Вопреки опасениям двигатель не заглох в верхней точке петли, а мог: бензин из бензобака поступал к карбюратору самотеком. А уже за диском винта земля показалась. Уф! Андрей перевел аппарат в горизонтальный полет. Выходит, он первый совершил «мертвую петлю», Нестеров будет вторым. Но он выполнил «петлю» при зрителях, а Андрей над лесистой местностью. Да и не стоит менять ход истории, все равно первенство останется за русским пилотом. На радостях заложил несколько крутых разворотов влево, потом вправо, да еще крен почти девяносто градусов. От радости хотелось петь, кричать. Чувствовал слияние с машиной. Пожалуй, только поршневые самолеты дают такое чувство. У реактивных самолетов есть скорость, огневая мощь, а ощущения не те. Так как истребитель «Су-35» или «МИГ-29» не один десяток тонн весят, управление через бустеры идет.

Авиаторы во всех странах пытались сделать фигуры сложного или высшего пилотажа. До авиаторов дошла информация, что некий Уилфред Парк на аэроплане «Авро» выполнил фигуру «штопор». Фигура опасная тем, что сорвать аэроплан в штопор легко, а вывести сложно, а некоторые аппараты ввиду недочетов конструкции вообще невозможно. О сделанной фигуре писали, обычно она сначала выполнялась втихую, без свидетелей, а потом при стечении народа или в присутствии прессы, чтобы «застолбить» фигуру. Но описания техники исполнения не давалось, это было ноу-хау. А ведь даже простая фигура, как бочка, то есть поворот летательного аппарата вокруг продольной оси на 360 градусов, требовала знаний и умений. Дать обороты мотору, слегка задрать нос на 10–12 градусов, потом... и так далее. Сколько последователей, пытаюсь повторить фигуру, разбились.

Настала зима, с морозами, снегом и ветром. С одного из заводов привезли новинку – самолетные лыжи. До 1912 года лыжи в авиации не применялись. С лыжами удобно садиться и взлетать на неподготовленные, не расчищенные от снега площадки. Правда, они создавали дополнительное аэродинамическое сопротивление, снижая и без того невеликую скорость. Но все пилоты, опробовавшие их, признали полезность лыж.

Специальных занятий по отработке тактики воздушного боя не велось, потому как не было авиационного вооружения. И выполнение фигур сложного и высшего пилотажа не приветствовалось командованием, считали – лишний расход топлива и моторесурса.

Андрей не упускал возможности занятий, памятуя о приближении войны. Для отработки бреющего полета Андрей поднимался выше облаков, пикировал, переходил в горизонтальный полет. Облака имитировали землю. А еще скрывали его «выкрутасы» от наблюдателей с земли. Иной раз в неделю удавалось выкроить время в одном-двух полетах, а бывало, и две недели летал с летнабом и как положено выполнял незамысловатое задание. И одному летать Андрею нравилось больше, он явно почувствовал вкус летать в одиночку. Единственно – открытая всем ветрам кабина не располагала к полетам длительным. Даже в меховых крагах замерзали пальцы. После полетов пилоты грели кисти рук на моторе.

Для развития русской авиации 1913 год выдался удачным на знаковые конструкции. В этом году конструктор Григорович Д. П. разработал и построил гидросамолеты «М-1» и «М-2». В дальнейшем усовершенствованный гидросамолет «М-9» надолго обосновался на флоте. В этом же году И. И. Сикорский построил на Русско-Балтийском заводе первый в мире четырехмоторный биплан «Русский витязь». Аэроплан имел закрытую пассажирскую кабину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/vozduhoplavitel-na-zare-aviacii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)